Зигмунд Фрейд

Бред и сны в „Градиве“

Зигмунд Фрейд

Бред и сны в "Градиве" В.Йенсена

"Альтекс"
Москва
2000 г.

Зигмунд Фрейд. Бред и сны в «Градиве В. Йенсена» –
М.: Альтекс, 2000. – 93 с.

Перевод с немецкого Веры Барской.
Публикация по изданию "Жизнь и душа", Одесса,1912
Подготовка текста и редакция В.А.Широкова
Дизайн Ю. Бессоновой-Брыксиной.

Издательство ООО «ПКЦ Альтекс»
Издательская лицензия ЛР №065802 от 09.04.98.
Телефон: (095) 230-44-17

Подписано в печать 30.06.2000. Формат 60х90 /16.
Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Зак. 21.

Отпечатано в типографии ООО «Мультипринт»
121352, г. Москва, ул. Давыдковская, д.10, корп. 6

ISBN 5-953121-053-9

I

В небольшом кругу лиц, не сомневающихся в том, что главнейшие загадки сущности сновидений разрешены трудами автора этой книги, возникло желание разобраться в тех снах, которые, собственно, никогда никому и не снились, но которые поэтами приписываются по ходу действия героям их произведений. Предложение подвергнуть изучению такого рода сны может казаться пустой и странной затеей, но с известной точки зрения исследование это может быть вполне оправдано. Далеко не все думают, что сон явление объяснимое, имеющее свое значение. Представители науки и большинство образованных людей смеются, когда им предлагают разрешить вопрос об объяснении смысла снов; только древние народы и темное, суеверное простонародье, держась заветов старины, не хочет отказаться от веры, что сны имеют значение. И вот автор “Traumdeutung” имел смелость стать на сторону древних и суеверных против нареканий суровой науки. Он, правда, далек от мысли видеть в снах предсказание грядущего, к распознаванию которого человек издавна и напрасно стремиться всеми силами и способами. Но он все же не может совершенно отбросить мысль об известном отношении снов к будущему. После кропотливого разбора и анализа он пришел к заключению, что сон есть воплощение жела-

ния спящего - а кто станет спорить о том, что большинство желаний относится к будущему?

Я сказал только что, будто сон, есть воплощенное (исполненное) желание. Кто не останавливается перед изучением трудной книги, кто не хочет, для облегчения труда своего, знакомиться со сложной, запутанной проблемой в легком и популярном изложении, хотя бы в ущерб истине и точности, - тот найдет подробное доказательство этого положения в упомянутой книге: "Traumdeutung". А до того пусть он откажется от возражений против отождествления снов с воплощенным желанием.

Но мы забежали вперед. Вопрос вовсе не сводиться к тому, чтобы выяснить, заключается ли смысл сновидений всегда в воплощении какого-нибудь желания, или может ли он так же часто быть ожиданием чего-то страшного, намерением, соображением и т. п. Гораздо важнее решить сначала вопрос имеют ли сны смысл вообще и можно ли им придавать ценность психического переживания. Наука дает на это отрицательный ответ; она видит в сновидении только физиологический процесс, в котором не следует искать ни смысла, ни значения, ни намерения. Какие-нибудь физические раздражения - говорит она - задевают во сне психический инструмент и вводят в сознание те или другие, лишенные всякой внутренней связи, представления. Сновидения скорей конвульсии, чем отражения движения психической жизни.

В этом споре об оценке сновидений поэты, кажется, стоят на стороне древних, суеверного простонародья и автора "Traumdeutung". Ибо, описывая сновидения своих воображаемых героев, они остаются верными житейскому опыту, - что мышление и чувствования человека не прекращаются и во время сна. В сущности, они стараются только изобразить посредством сновидений психическое состояние своих героев. А поэты - драгоценные союзники

и к голосу их следует прислушаться, ибо ведомо им много между небом и землей такого, чего и не снится нашим школьным мудрецам. В знании психологии поэты оставили далеко позади себя нас, людей прозы; потому что творя, они черпают из таких источников, каких мы еще не открыли для науки. Если бы только это свидетельство поэтов в пользу того, что сновидения имеют известный смысл, было более определенным! Строгая критика могла бы, правда, возразить, что поэты, в сущности, ничего не говорят ни за, ни против психического значения какого-нибудь единичного сновидения; они довольствуются только тем, что рисуют, как вздрагивает душа спящего под влиянием возбуждений, - как бы глубоко застрявших в ней откликов действительной жизни.

Это соображение нисколько не ослабляет нашего интереса к тому, как поэты пользуются снами в своих произведениях. Если исследование этого вопроса и не скажет нам ничего нового о сущности сновидений, все же может быть, оно даст нам возможность получить хоть некоторое освещение сущности поэтического творчества с этой стороны. Если действительные сны считаются свободными, ничем не сдерживаемыми и неуправляемыми продуктами душевной деятельности, то тем более ведь таковыми должны быть свободные подражания этим снам. Но в психической жизни нашей гораздо меньше свободы и произвола, чем мы склонны это думать, может быть и совсем их нет. То, что во внешнем мире мы называем случайностью, подчинено, как известно, точным законам; также и то, что в психической жизни мы считаем произволом подчиняется законам, о которых, правда, в настоящее время мы имеем лишь смутное представление. Постараемся же рассмотреть эти сочиненные сны!

Исследование, о котором мы говорим, можно было бы произвести двумя способами. Один состоял бы в том, что

подвергли б изучению какой-нибудь единичный случай, - один, сочиненный каким-нибудь поэтом сон, в одном каком-либо произведении. Другой свелся бы к собиранию, сличению и сопоставлению всех случаев применения сновидений в произведениях различных поэтов. Этот второй способ кажется ним гораздо более правильным, может быть даже единственно правильным, потому что дает возможность избегнуть ошибок и недостатков, проистекающих от произвольного применения собирательного понятия "поэт" к тому или другому лицу. При такого рода исследовании под это понятие подойдут самые различные по своей индивидуальности поэты и среди них найдутся и такие, которых мы чтим, как глубочайших знатоков человеческой души. И все же, эти страницы будут посвящены исследованию первого рода. Среди людей, заинтересовавшихся такого рода исследованиями, нашелся один, вспомнивший, что в одном недавно прочитанном им с удовольствием художественном произведении имеется несколько сновидений, показавшихся ему чрезвычайно ясными и понятными, и как бы напрашивающихся на то, чтобы к ним применили метод исследования "Traumdeutung". Он допускал, что тема и место действия обусловливали, пожалуй, главным образом прелесть этого произведения для него, так как действие происходило в Помпее, а главный герой рассказа - молодой археолог. Последний потерял всякий интерес к действительной жизни и целиком отдался изучению остатков классического прошлого. Но впоследствии он самым замечательным и в то же время вполне правильным образом возвращается в жизнь. В то время как перед читателем развертывается и разрабатывается эта поэтическая тема, в душе его пробуждается что-то сходное, родственное по настроению. Произведение это - небольшая новелла Вильгельма Йенсена "Gradiva", которую автор называет "Помпеянской фантазией".

Теперь я должен был бы, собственно, попросить читателя отложить на некоторое время в сторону эту мою книгу и заменить ее появившейся в 1903 году новеллой "Gradiva", чтоб в дальнейшем я мог на нее ссылаться, как на знакомое уже произведение. Тем же, которые уже раньше прочли "Gradiv`y", я в кратких чертах напомню ее содержание, в надежде, что все ее красоты снова оживут при этом в их памяти.

Молодой археолог, Норберт Ганольд, отыскал в Риме в одной коллекции древностей барельеф так необычайно ему понравившейся, что был очень обрадован возможности получить гипсовый слепок с него. Слепок этот он решил повесить в своей рабочей комнате в старом немецком университетском городе, чтоб изучить его. Барельеф изображает молодую, красивую шагающую девушку, приподнявшую немного свою одежду в многочисленных складках, так что видны ноги в сандалиях. Одна нога совершенно покоится на земле, другая приподнята для шага и касается земли только концами пальцев, в то время как ступня и пятка находятся почти в отвесном положении. Вероятно эта особенная, полная красоты и прелести походка обратила на себя внимание изобразившего ее художника и, после стольких столетий, приковала к себе взор нашего молодого археолога.

Этот интерес героя рассказа к описанному барельефу составляет главный психологический фактор рассматриваемого нами произведения. И это не совсем уж так просто и понятно. "Доктор Норберт Ганольд, доцент археологии, не нашел ничего достойного особого внимания с точки зрения своей науки в этом барельефе". "Он не мог себе дать отчета в том, что именно в барельефе приковало к себе его внимание; он сознавал только, что его что-то привлекало к этому изображению и что это впечатление длится и поныне". Его фантазия не перестает работать над этим

образом. Он находит в этом изображении что-то современное, как будто художник, создавший его, увековечил в нем схваченное “из жизни” на улице впечатление. Он дает этой шагающей девушке имя “Gradiva”, т. е. “вперед шагающая”; он воображает, что она знатного рода, “может быть дочь патрицианского эдила, служившего культу Цереры”, и теперь идет в храм богини. То вдруг ему не хочется поместить этот, полный тишины и покоя, образ в сутолоку и суету городской жизни; он внушает себе, что скорее всего она должна быть из Помпеи, и шагает по тем особенным, недавно освобожденным раскопкам, плитам, которые в древности давали возможность во время дождя переходить по сухому с одной стороны улицы на другую, не мешая в то же время проезжать экипажам. Черты лица девушки кажутся ему греческого типа и доказывают ее несомненно эллинское происхождение; все его археологические знания отдаются постоянно в распоряжение этих и подобных фантазий, относительно первообраза этого барельефа.

Потом вдруг перед ним возникает якобы научная проблема, требующая разрешения. Дело идет о критическом разборе вопроса “передал ли художник у Gradiv`ы движение и поступь натурально, как у живых людей”. У себя он этого воспроизвести не мог. В поисках за “действительностью” этой походки, он приходит к решению “для освещения этого вопроса делать наблюдения над жизнью”. Это решение приводит молодого археолога к странным и необыкновенным для него поступкам. До того времени представления о женском образе были для него неразрывно связаны с мрамором или металлом и современниц своих он не удостаивал абсолютно никакого внимания. Обязанности общественного приличия были ему в тягость, а молодые дамы, с которыми он встречался в обществе, так мало возбуждали его внимание, что при встрече с ними на улице он не узнавал их и без поклона прохо-

дил мимо, - что ставило его перед ними не в очень то выгодное положение. Но теперь поставленная им научная задача заставила его и в сухую и, особенно, в дождливую погоду усердно присматриваться на улицах к ногам женщин и девушек, и это его занятие вызывало иногда недовольные, иногда поощрительные взгляды наблюдаемых; "но он не понимал ни тех ни других". В результате своей старательной работы он пришел к заключению, что такую походку, как у Gradiv`ы в жизни найти нельзя - и это вызвало у него сожаление и досаду.

Вскоре после этого ему приснился ужасный, страшный сон, перенесший его в Помпею в дни извержения Везувия и сделавший его свидетелем разрушения города. "Стоя у края форума вблизи храма Юпитера, он вдруг увидел недалеко перед собой Gradiv`у; до этого у него даже не являлась мысль о возможности ее присутствия в этом месте, но теперь ему сразу сделалось совершенно ясным и понятным, что она ведь помпеянка, живет в своем родном городе и - *чего он раньше никак не мог предположить, - в одно время с ним"*. Ужас перед ожидающий ее судьбой вырвал из уст его предостерегающий крик, на который шедшее впереди невозмутимо-спокойное видение повернуло свое лицо. Но потом оно спокойно продолжало путь к портику храма, уселось там на ступень лестницы и медленно опустило на нее свою голову; лицо девушки стало все более бледнеть, как будто превращаясь в мрамор. Когда он поспешил вслед за ней, то нашел ее вытянутой на широкой ступени со спокойным выражением лица, словно спящей, в то время как дождь из пепла постепенно засыпал ее.

Когда он проснулся, в ушах его, казалось, еще гудели шум и крики ищущих спасения помпеян и глухой гул прилива бушующего моря. Но даже после того, как вернувшееся сознание узнало в этих звуках разбудивший его шум жизни большого города, в душе молодого ученого еще жи-

ла вера в действительность всего приснившегося; когда же он, наконец, освободился от мысли, что сам чуть ли не две тысячи лет тому назад был свидетелем разрушения Помпеи, в нем уцелело как бы истинное убеждение, что Gradiva жила в Помпее и была там заживо засыпана в 79 г. Его фантазии и думы о Gradiv`е получили такое направление под влиянием этого сна, что он горевал теперь по ней, как по погибшей.

В то время как он, погруженный в такие мысли, стоял у окна, внимание его привлекла маленькая канарейка, звонко заливавшаяся в клетке на открытом окне противоположного дома. И вдруг он, еще не вполне очнувшись от своих грез, вздрогнул как бы от толчка. Ему показалось, что он увидел на улице фигуру, похожую на его Gradiv`у и даже узнал, кажется, характерную походку. Не долго думая, он поспешил на улицу, чтоб догнать ее и только смех и шутки прохожих по поводу его неприличного утреннего костюма заставили его вернуться назад в свою квартиру. В комнате снова привлекла его внимание канарейка, и навела его на сравнение себя с этой птицей. Он, думалось ему, как и она сидит в клетке, но ему легче, чем ей вырваться на свободу. Как бы все еще под впечатлением сна, а может быть под влиянием нежного весеннего воздуха, у него созрело решение совершить весеннюю поездку в Италию; научный предлог для этой поездки был тотчас найден, хотя "импульс к этому путешествию проистекал из какого-то неизъяснимого ощущения".

На этой, столь слабо мотивированной, поездке мы остановимся на минутку и постараемся ближе рассмотреть личность и поступки нашего героя. Он до сих пор еще кажется нам непонятным и каким-то чудаком. Мы еще и не подозреваем, каким образом можно будет связать это странное чудачество с общечеловеческими переживаниями, чтоб вызвать в нас участие и сочувствие. Но - преиму-

щественное право поэта держать нас в такой неизвестности; языком, полным красот, образностью своей фантазии вознаграждает он нас за доверие, которое мы ему оказываем и за симпатию, еще не заслуженную, которую мы готовы подарить его герою. Об этом последнем сообщает он нам еще, что семейные традиции предназначили его для изучения древности и что впоследствии, независимый и одинокий, он погрузился всецело в свою науку и совершенно ушел от жизни и ее наслаждений. Только мрамор и бронза стали для него чем-то действительно живым, единственно дающим форму и выражение, цель и ценность человеческой жизни. Но природа, вероятно с благими намерениями, вселила в его кровь корректив далеко не научного свойства - богатую и живую фантазию, которая работала не только во сне, но и наяву. Благодаря такому отделению фантазии от мыслительной способности он должен был стать поэтом и невротиком; он принадлежал к тем людям, далекое царство которых не от мира сего. Только благодаря этому могло случиться, что мысли его остались прикованными к барельефу, изображающему так странно шагающую девушку, что он опутал целой сетью фантазии ее образ, сочинил ей имя и происхождение; что сочиненную им личность он перенес в разрушенную за 1800 лет назад Помпею; и что наконец, после страшного сна из своей фантазии о существовании и гибели девушки, названной им Gradiva, создал целую бредовую систему, оказавшую влияние на его поступки и действия.

Странными и непонятными показались бы нам эти создания воображения, если б мы их встретили у действительно существующего человека. Но так как Норберт Ганольд - создание поэта, то мы желали бы обратиться к последнему с робким вопросом: управляет ли его творческой фантазией только собственный произвол или же она подчинена еще и другим силам.

Мы оставили нашего героя в тот момент, когда, по-видимому, под влиянием пения канарейки, он решается совершить путешествие в Италию по, очевидно, неясным для него самого мотивам. Мы узнаем далее, что ни цели, ни задачи этого путешествия он себе не представлял ясно. Внутреннее беспокойство и неудовлетворенность гонят его из Рима в Неаполь, а оттуда все дальше вперед. В пути своем он встречается с молодыми новобрачными, совершающими свадебное путешествие, и, вынужденный быть в обществе различных "Августов" и "Грет", совершенно отказывается понять их поведение и поступки. Он приходит к заключению, что среди всех человеческих безрассудств "женитьба, как самая большая и непонятная занимает первое место, а эти свадебные путешествия в Италию являются, в известной степени, венцом глупости". Из Рима разбуженный близостью какой-то нежной пары, он спасается бегством в Неаполь, но там находит новых "Августов" и "Грет". Так как, судя по их разговорам, ему кажется, что большинство этих нежных "прелестных" пар не имеет намерения свить себе гнездышка на развалинах Помпеи, а направляет свой полет на Капри, он решает сделать то, чего не делают они и, "вопреки намерению и ожиданию", через несколько дней после отъезда, находится уже в Помпее.

Но и здесь не находит он желанного покоя. Роль, которую раньше играли путешествующие после свадьбы пары, портившие ему настроение и раздражавшие его, переходит к комнатным мухам, которых он склонен считать воплощением всего скверного и лишнего на земле. Оба этих злых духа сливаются для него как бы в одно. Многие мухи напоминают ему нежных парочек, совершающих свадебное путешествие, и как бы обращаются друг к другу на своем языке: "мой единственный Август" и "моя ненаглядная Грета". В конце концов, он должен прийти к за-

ключению, “что его неудовлетворенность происходит не только от окружающей обстановки, но что кое-какие причины кроются и в нем самом”. “Он чувствует, что расстроен из-за чего-то ему недостающего, но не может дать себе отчета в том, чего именно ему не хватает”.

На следующее утро он через “Jngresso” входит в Помпею и, отправив проводника, блуждает по ней бесцельно, забывая самым удивительным образом о том, что так недавно еще, во сне, присутствовал при разрушении этого города. Когда же в жаркий священный полуденный час, который древние считали часом духов, остальные путешественники исчезли и пустынные развалины и улицы лежали перед ним залитые сияющим солнечным блеском, в нем пробуждается способность мысленно, но без помощи науки, перенестись в минувшую и погребенную здесь жизнь. “То, чему учила она, наука, было только безжизненным археологическим воззрением, то, что она говорила, было мертвым языком филологов. Она не учила понимать душой, чувством, сердцем, или как там это называют. Кто жаждал такого познания, тому ничего не оставалось как уйти одиноко в жаркую полуденную тишину к остаткам прошлого, чтобы смотреть не плотскими глазами, и слушать не телесными ушами... Тогда... мертвые пробуждались и Помпея начинала опять жить”.

В то время, как он воскрешал таким образом прошлое в своей фантазии, он вдруг видит выходящую из одного дома настоящую Gradiv`у его барельефа. Легко и быстро переходит она по гранитным плитам на другую сторону улицы совсем так, как это было в ту ночь в сновидении, когда она, словно для сна, улеглась на ступени храма Аполлона. “И вместе с этим воспоминанием впервые достигает его сознания еще другая мысль: сам не сознавая своего побуждения, он отправился в Италию, прямо в Помпею, не останавливаясь в Риме и Неаполе, именно затем, чтобы по-

искать здесь следов Gradiv`ы в буквальном смысле, ибо при ее своеобразной походке она должна была оставить на пепле особый, отличный от всех, отпечаток пальцев ее ноги".

Напряжение, в котором держал нас автор до сих пор, нарастает в этот момент до какого-то томительного недоумения. Не только наш герой очевидно выведен из состояния равновесия, но и мы тоже не знаем как истолковать себе это странное появление Gradiv`ы, которая до сих пор фигурировала либо в виде каменного изваяния, либо в виде фантастического образа. Галлюцинация ли это одержимого бредом героя, "действительно ли" привидение, живое ли существо? Для того, чтоб у нас возник ряд таких предположений не нужно вовсе, чтоб мы верили в привидения. Автор, назвавший сам свое произведение фантазией, до сих пор еще не нашел повода поведать нам, оставит ли он нас в нашем обыденном сереньком мире, в котором господствуют лишь законы науки, или перенесет нас в фантастический мир, которому приписывают существование духов и привидений. Как показывают примеры "Гамлета" и "Макбета", мы без колебаний готовы последовать за ним в такой мир. Тогда следует приложить совершенно иной масштаб к бреду молодого археолога. И, если мы подумаем, как мало вероятно реальное существование лица, точно воспроизводящего внешним видом своим античный барельеф, то наши предположения сведутся к следующей альтернативе: либо это галлюцинация, либо полуденное привидение. Маленькая подробность описания сцены появления девушки, сразу уничтожает первое предположение. Большая ящерица лежит неподвижно под лучами солнца и, при приближении Gradiv`ы, быстро уползает из-под ее ног по гранитным плитам улицы. Итак, это не галлюцинация, а нечто лежащее вне сферы чувств нашего

мечтателя. Но разве появление воскресшей может встревожить ящерицу?

Gradiva скрывается в доме Мелеагра. Нас не должно удивлять, что бред Норберта Ганольда развивается до того, что оживляет Помпею в этот священный полуденный час и воскрешает Gradiv`y, идущую в дом, в котором она жила до рокового августовского дня 79 года. Остроумные предположения по поводу личности владельца, именем которого, вероятно, назван этот дом, и об отношениях Gradiv`ы к нему, быстро проносятся в голове Норберта и показывают, что все его знания отданы теперь всецело в распоряжение его фантазии. Войдя внутрь дома, он застает видение сидящим на низких ступенях между двумя желтыми колоннами. "У нее на коленях лежало что то белое, чего глаз его не в состоянии был разглядеть: казалось это был листок папируса". Под влиянием последнего предположения по поводу ее происхождения, он заговаривает с ней по-гречески, робко ожидая разъяснения вопроса, дана ли ей, при ее призрачном существовании, способность говорить. Но так как девушка не отвечает, он обращается к ней по латыни. И тогда срывается с ее улыбающихся уст: "Если вы хотите со мной разговаривать, вам придется говорить по-немецки".

Какой стыд для нас, читателей! Итак, поэт подшутил и над нами, ввел нас в заблуждение, воспользовавшись солнечным блеском и жарой Помпеи, чтоб мы не слишком строго судили беднягу, над головой которого так жарко сияло действительное полуденное солнце. Но, выведенные из нашего кратковременного замешательства, мы знаем теперь, что Gradiva - живая немецкая девушка, т. е. оправдывается как раз то предположение, которое мы хотели отклонить, как самое невероятное. Теперь нам остается спокойно ждать, пока мы узнаем, какое отношение имеет девушка к своему портрету на барельефе, и как молодой

археолог доходил до фантазий, указывающих ему на реальное существование и воплощение его мечты.

Не так быстро, как мы, освобождается от своего бреда наш герой, потому что, "если вера и дает блаженство, как говорит автор, то с ней везде связана значительная доля необъяснимого". Кроме того мечта его имеет вероятно в его душе корни, о которых мы ничего не знаем и которых у нас, понятно, нет. Вероятно нужно серьезное лечение для того, чтоб вернуть его к действительности. Пока же ему ничего другого не остается, как приноровить свой бред к только что сделанному удивительному открытию. Gradiva, погибшая во время разрушения Помпеи не может быть ничем иным, как полуденным призраком, вернувшимся к жизни на короткий час, когда духи витают на свободе. Но почему после ответа, данного девушкой на немецком языке, с уст его срывается восклицание: "я знал, что так звучит твой голос"? Не только у нас, но и у девушки должен зародиться такой вопрос и Ганольд вынужден ей сознаться, что никогда не слыхал ее голоса, но ждал, что услышит его тогда, во сне, когда окликнул ее в ту минуту, как она опустилась для сна на ступени храма. Он просит ее повторить то, что сделала она тогда, но тут девушка встает, кидает на него удивленный взгляд и, сделав несколько шагов, исчезает за колоннами двора. Красивая бабочка за несколько мгновений до этого кружится над нею. Ганольд принимает бабочку за посланницу Плутона, которая напоминает покойнице, что нужно вернуться назад, так как полуденный час, час духов, уже прошел. Ганольд успевает еще крикнуть уходящей: "Придешь ли ты завтра в полдень снова сюда?" Мы же, доверяя теперь более трезвым объяснениям, склонны думать, что девушка, вероятно, увидела нечто неприличное в той просьбе, с которой к ней обратился Ганольд и, обидевшись, бросила его, так как она ведь ничего не могла знать о его сне. И могла ли ее чут-

кость не уловить эротического характера требования, которое для Ганольда стояло в связи все с тем же сном.

После исчезновения Gradiv`ы наш герой внимательно разглядывает присутствующих за общим столом гостей гостиницы Диомеда, а вслед за тем и постояльцев "Швейцарской" гостиницы, и убеждается, что ни в одной из обеих ему известных гостиниц Помпеи нет никого, кто бы имел хотя бы самое отдаленное сходство с Gradiv`ой. Само собой понятно, что он и не допустил бы бессмысленного предположения, что мог бы встретиться с Gradiv`ой в одной из гостиниц. Выпитое им на горячей почве Везувия холодное вино увеличивало психическую спутанность, в которой он провел день. Относительно завтрашнего дня было решено, что Ганольд должен в полдень снова быть в доме Мелеагра и, в ожидании этого часа, он пробирается запрещенным путем через старую городскую стену в Помпею. Белый асфодель, унизанный колокольчикообразными чашечками кажется ему цветком загробного мира настолько важным и полным особого значения, что он его срывает и уносит с собой. Во время этого ожидания вся археология кажется ему чем-то самым бесцельным и безразличным на свете, так как другой вопрос овладевает им: "какими физическими свойствами обладает существо одновременно мертвое и живое, хотя бы только в полуденный час привидений". Он боится также не найти сегодня той, которую ищет, так как считает возможным, чтоб следующее возвращение на землю было ей дозволено только после длинного промежутка времени; когда же он снова замечает ее между колонн, то считает ее появление игрой своего воображения и с уст его срывается мучительный крик: "о если б ты еще жила и существовала!"

Но на этот раз он был, очевидно, слишком критически настроен, так как привидение, оказалось, обладает голосом. Она спрашивает его, для кого он принес этот белый

цветок и постепенно втягивает смущенного в длинный разговор. Нам, читателям, уже заинтересовавшимся Gradiv`ой, как живым существом, автор сообщает, что недовольство и отпор, которые выразил накануне ее взгляд, уступили место выражению любопытства и любознательности. Она его расспрашивает обо всем, требует объяснения по поводу его замечания накануне о том, когда и где видел он ее ложащейся спать, узнает таким образом о сновидении, в котором она погибла со своим родным городом, затем о барельефе и о положении ноги, так понравившемся молодому археологу. Она тотчас же готова продемонстрировать перед ним свою походку, причем единственной разницей между ее движениями и походкой на барельефе Gradiv`ы является отсутствие на ее ногах сандалий, которые заменены тонкими кожаными башмаками светло-песочного цвета - что она объясняет, как уступку современности. Очевидно девушка идет навстречу бреду, который она выпытывает у него во всем объеме, не противореча.

Один раз она как будто выходит из своей роли под влиянием собственного аффекта: когда он, мысленно устремив взоры на барельеф, утверждает, что узнал ее с первого взгляда. Так как в этом месте разговора она еще ничего не знает о барельефе, то ей легко было предположить какое-нибудь недоразумение в словах Ганольда. Но она быстро спохватывается и только иногда кажется нам, что речи ее звучат несколько двусмысленно и кроме их прямого значения и отношения к бреду, намекают на что-то действительное и современное. Так напр., когда она сожалеет, что ему не удалось исследование на улицах по поводу походки Gradiv`ы. “Как жаль, тебе, пожалуй, не понадобилось бы это длинное путешествие сюда”. Она узнает также, что он назвал ее изображение Gradiv`ой и сообщает ему свое настоящее имя: Зоя. “Это имя тебе очень к лицу, но оно кажется горькой насмешкой, ибо Зоя значит жизнь”. -

"Нужно мириться с непреложным", отвечает она: "и я уже давно привыкла к мысли, что я мертва". С обещанием быть завтра в полдень на том же месте она расстается с ним, предварительно выпросив у него цветок асфоделя: "другим девушкам дарят весной розы, но для меня цветок забвения из твоих рук самый подходящий". Уныние и грусть хорошо подходят к так давно умершей, возвращающейся только на короткий час к жизни.

Мы начинаем понимать и надеяться. Если молодая девушка, в образе которой воскресла фантастическая Gradiva Ганольда, так полно воспринимает бред его, то делает это, вероятно, для того, чтоб его от него освободить. Другого пути для этой цели не существует; противоречием можно отрезать всякую возможность лечения. И настоящее лечение такого болезненного состояния не могло бы быть проведено иначе: необходимо сначала стать на почву бредовой системы, чтоб затем возможно полно ее исследовать. Если Зоя - подходящее для такого исследования лицо, то мы узнаем, каким образом излечивают такого рода бред. Но мы хотели бы также знать, каким образом он создается. Было бы странной случайностью, - хотя подобные случаи и примеры уже известны - если бы разъяснение бреда стало бы в то же время излечением и история происхождения его раскрылась бы как раз во время разрушения всей бредовой системы. Мы начинаем подозревать, что история этой болезни может тогда превратиться в "обыкновенную" любовную историю; но не следует пренебрегать таким целебным средством против бреда как любовь, и не было ли уже увлечение нашего героя изображением Gradiv`ы тоже влюбленностью, хотя и по отношению к чему-то прошлому и безжизненному?

Вслед за исчезновением Gradiv`ы в отдалении раздается еще только раз смеющийся зов, словно крик пролетающей над развалинами города птицы. Оставшийся Ганольд под-

нимает что-то белое, забытое Gradiv`ой. Это оказывается вовсе не листом папируса, а альбомом эскизов с различными видами Помпеи, рисованными карандашом. Мы сказали бы, что тот факт, что девушка забыла на этом месте свой альбом, был залогом ее возвращения, так как мы утверждаем, что никто не забывает никогда ничего без тайной причины или скрытого побуждения.

Остаток дня приносит нашему Ганольду целый ряд удивительных открытий и доказательств, из которых он все же не делает определенного вывода. В стене портика, в которой исчезла Gradiva, он находит расщелину, достаточно широкую для прохода очень стройной особы. Он приходит к заключению, что Зоя- Gradiva вовсе не должна была провалиться в этом месте в землю; это предположение кажется ему теперь до того бессмысленным, что он стыдится его. Теперь он думает, что она может воспользоваться этим путем, чтоб вернуться в свою могилу. Ему кажется, что в конце улицы могил, перед так называемой виллой Диомеда, исчезает чья-то легкая тень. В каком-то опьянении, как накануне, занятый все время тою же мыслью, бродит Ганольд по окрестностям Помпеи. Его занимает мысль: из какого телесного вещества состоит эта Зоя-Gradiva, и можно ли что-нибудь почувствовать, если схватить ее за руку? Какое-то особенное стремление влекло его сделать этот опыт, но такой же сильный страх удерживал его даже при мысли об этом. На залитом солнцем косогоре он встретил пожилого господина, по своему костюму похожего на ботаника или зоолога, который, казалось, занят был ловлей. Он обернулся к Ганольду и сказал: "Вы тоже интересуетесь Faraglionensis? Раньше я этого не предполагал, но теперь считаю весьма вероятным, что они водятся только в Faraglion`ах у Капри, а что если терпеливо и усердно поискать, то можно их найти и на материке. Средство, предложенное коллегой Эймером, действительно хо-

рошее: я уже не раз применял его с полным успехом. Пожалуйста, не шевелитесь". Говорящий вдруг смолк и приложил сделанный из травы силок к расщелине в скале, из которой выглядывала синеватая, блестящая головка ящерицы. Ганольд покинул охотника на ящериц с насмешкой, думая, что трудно поверить, какие иногда удивительно глупые намерения могут заставить людей совершить длинную поездку в Помпею. Из этой критики, разумеется, он исключил себя и свое намерение искать в пепле Помпеи следы Gradiv`ы.

Впрочем, лицо господина показалось ему знакомым; как будто он заметил его в одной из двух гостиниц. Да и обращение этого господина к Ганольду, было как к знакомому. Дальнейшее странствование привело его по боковой тропинке к неизвестному ему дому, который оказался третьей гостиницей, под названием "Albergo del sole". Свободный от работы хозяин воспользовался случаем отрекомендовать самым лучшим образом свой дом и содержащиеся в нем, открытые при раскопках, сокровища. Он утверждал, что присутствовал при том, как в окрестностях форума откопали двух влюбленных, которые, видя неминуемую гибель, обняли друг друга и так дождались смерти. Об этой истории Ганольд слыхал уже раньше, но, считая ее продуктом богатой фантазии какого-нибудь рассказчика, только недоверчиво пожимал плечами; сегодня же он отнесся к этому рассказу с верой, еще увеличившейся, когда хозяин гостиницы показал ему покрытую зеленоватым налетом металлическую пряжку, найденную на его глазах в пепле, около останков молодой девушки. Ганольд приобрел эту пряжку без недоверчивого колебания и когда, уходя из "Albergo", он увидел на открытом окне покрытую белыми цветами ветку асфоделя, вид могильного цветка показался ему как бы подтверждением подлинности его нового приобретения.

Но с момента обладания этой пряжкой новый бред охватил его, или вернее, прежний получил дальнейшее развитие, которое, казалось, не могло быть хорошим предзнаменованием для начатого лечения. Не далеко от форума выкопали двух молодых обнявшихся влюбленных, а он видел во сне, как Gradiva улеглась для сна именно в этом месте около храма Аполлона. Весьма возможно, что она, пройдя форум, направилась дальше, чтоб встретиться с кем-то и умереть вместе с ним! Это предположение вызвало в нем мучительное чувство, которое мы могли бы сравнить с ревностью. Но мысль, что все это предположение весьма недостоверно, уменьшила остроту чувства, и он пришел в себя настолько, что оказался в состоянии поужинать в гостинице Диомеда. Двое новоприбывших гостей, мужчина и женщина, которых он, благодаря сходству, несмотря на различный цвет волос, принял за брата и сестру, привлекли там его внимание. Оба были первыми встретившимися ему в пути людьми, показавшимися ему симпатичными. Красная флорентийская роза, бывшая на молодой девушке, разбудила в нем какое то смутное воспоминание, но он не мог определить какое. Наконец Ганольд отправился спать и ему приснился сон. Это был удивительно бессмысленный вздор, но очевидно скомбинированный из дневных переживаний: "Где-то на солнце сидела Gradiva, сплела из травы силок, чтоб поймать ящерицу, и говорила: "пожалуйста, не шевелись: - коллега права, средство действительно хорошее, она уже применила его с полным успехом". Еще во сне здравый смысл Ганольда боролся с этим видением, находя его совершенным сумасшествием, и ему удалось освободиться от сновидений благодаря невидимой птице, которая, испустив короткий смеющийся зов, унесла ящерицу в своем клюве.

Несмотря на все эти видения, он проснулся с большей ясностью и уверенностью. Вид розового куста, покрытого

такими же цветами, какие он видел накануне на груди молодой женщины, вызвали в нем воспоминание, что ночью кто-то сказал - "весной дарят розы". Невольно сорвал он несколько роз и с этим, должно быть, было связано что-то, что облегчающе подействовало на его голову. Поборов свою нелюдимость, он направился обычным путем в Помпею, нагруженный розами, металлической пряжкой, альбомом для эскизов и полный разных дум, касающихся Gradiv`ы. Прежний бред Ганольда как бы поколебался. Он уже сомневался, может ли Gradiva находиться в Помпее только в полуденный час, или же также в другое время. Главное внимание сосредоточилось на новой зародившейся бредовой идее, и связанная с нею ревность мучила его во всевозможных проявлениях и формах. Он почти желал того, чтоб появление Gradiv`ы оставалось видимым только его глазам и ускользало бы от взоров остальных людей; тогда он мог бы считать ее исключительно ему принадлежащею собственностью. Во время странствий, в ожидании полудня, одна встреча особенно поразила его. В "Casa del fauno" он натолкнулся на две фигуры, которые, предполагая, что их никто не видит в этом углу, держали друг друга в объятиях, слившись в горячем поцелуе. С удивлением узнал в них Ганольд вчерашнюю симпатичную пару. Но для брата и сестры их настоящее поведение казалось ему мало подходящим: их объятия и поцелуи были слишком продолжительными; итак это были влюбленные, вероятно новобрачные, тоже какие-нибудь Август и Грета. Но, удивительным образом, эта картина не вызвала в нем других чувств, кроме удовольствия, и как бы боясь нарушить тайное, молитвенно-религиозное проникновение, он удалился незамеченным. Уважение, которого ему долго не хватало, появилось в нем, наконец.

Когда Ганольд очутился перед домом Мелеагра, его снова охватил страх застать Gradiv`у в обществе кого-

нибудь другого с такой силой, что он не нашел другого приветствия для нее, как вопрос: "Одна ли ты?" С трудом удается ей заставить его сознать, что эти розы сорвал он для нее; он сознается ей в своем бреде о том, что она была той девушкой, которую отрыли недалеко от форума в чьих то объятиях и которой принадлежала позеленевшая пряжка. Не без насмешки спрашивает его молодая девушка, не на солнце ли нашел он эту вещицу. - Оно де называется здесь "Sole" и поставляет всякие вещицы в таком роде. Чтоб избавить его от головокружения, на которое он жалуется, она предлагает ему разделить с ней ее завтрак и подает ему одну половину белого хлеба, завернутого в папиросную бумагу, а вторую половину съедает сама с явным аппетитом. При этом между губ блестят безукоризненные зубы, и издают при прокусывании корки слегка хрустящий звук. На ее слова: "мне сейчас кажется, что мы уже однажды таким образом ели вместе хлеб две тысячи лет тому назад. А ты не припомнишь?" - он не может найти ответа; но подкрепившая его еде и все признаки несомненного существования Gradiv`ы, не замедлили оказать на него свое действие. Здравый смысл проснулся в нем и подверг сомнению бред о том, что Gradiv`a привидение; правда, против этого можно было бы возразить, что ведь она сама только что сказала, что за две тысячи лет она уже однажды завтракала с Ганольдом. Средством разрешения этого противоречия показался ему один эксперимент, который он проделал с хитростью и воскресшей решимостью. Левая рука девушки с ее длинными пальцами лежала спокойно на ее коленях и одна из мух, нахальство и бесполезность которых еще так недавно возмущали молодого археолога, опустилась на эту руку. Вдруг рука Ганольда поднялась и с размаху хлопнула далеко не нежно муху и руку девушки.

Этот смелый опыт имел два последствия: во-первых, дал ему радостную уверенность, что он дотронулся до не-

сомненно настоящей, живой, теплой человеческой руки; во-вторых, он услышал строгое замечание, от которого с испугом вскочил со ступеньки, на которой сидел, потому что Gradiva, прийдя в себя от смущения, воскликнула: "Но ты, по-видимому, с ума сошел, Норберт Ганольд!".

Как известно, нет лучшего средства для того, чтоб разбудить спящего или сомнамбулу, как назвать его по имени. К сожалению, мы лишены были возможности наблюдать, какое следствие имело для Ганольда обращение к нему Gradiv`ы по имени, которого он никому в Помпее не сообщал, потому что в этот критический момент появилась вышедшая из "Casa del fauno" симпатичная влюбленная парочка и молодая дама воскликнула тоном приятного изумления: "Зоя ты тоже здесь? И тоже совершаешь свадебное путешествие? Но ведь ты мне ни слова не писала об этом!" Перед этим новым доказательством фактической реальности Gradiv`ы Ганольд обратился в бегство.

И Зоя-Gradiva была особенно приятно поражена этим непредвиденным посещением, которое, казалось, помешало ей в очень важном деле. Но, тотчас спохватившись, она отвечает обычными в таких случаях фразами, сообщая подруге, но еще в большей степени, читателю, настоящее положение вещей; при этом ей удается ловко избавиться от нежной пары. Она поздравляет их; но сама она здесь не в свадебном путешествии. "Молодой человек, который только что ушел, тоже страдает каким-то странным бредом, он, кажется, думает, что у него в голове жужжит муха; впрочем, у каждого из нас сидит там какое-нибудь насекомое. Мне, по обязанности, пришлось познакомиться с энтомологией и я могу быть в подобных случаях очень полезной. Мы с отцом живем в гостинице Sole; ему пришла внезапно блестящая идея взять меня с собой сюда, если я устроюсь самостоятельно в Помпее и не буду предъявлять к нему никаких требований. Я решила, что сама сумею от-

копать для себя что-нибудь интересное. Правда о находке, которую я сделала - т. е. о счастье встретить тебя, Гиза, я даже не мечтала". Теперь же она должна поторопиться к отцу, чтоб составить ему общество за столом в отеле. И так она удаляется, после того как представилась нам, как дочь зоолога и охотника за ящерицами, и различными двусмысленными фразами созналась в своих намерениях относительно лечения и в других, тайных замыслах. Направление, по которому она пошла было, однако, не в сторону гостиницы "Солнца", в которой ее ждал ее отец; и ей, вероятно, показалось, что вокруг виллы Диомеда какая-то тень ищет своей могилы и исчезла под одним из надгробных памятников, потому что и она направилась по улице могил, ступая при каждом шаге почти отвесно ступней ног. Туда убежал в смущении и замешательстве Ганольд и ходил беспрерывно взад и вперед в портике сада, напрягая свою мысль и стараясь разрешить остатки своей задачи. Одно сделалось для него несомненно ясным: что он был совершенно ума и здравого смысла, думая, что имеет общение с более или менее воплощенной и вновь оживший молодой помпеянкой и это трезвое понимание своего безумия было бесспорным шагом вперед по пути к здравому рассудку. Но, с другой стороны, эта живая, с которой и другие общаются как с равным им существом, была Gradiva и откуда-то знала его имя. Однако, для разрешения этой последней загадки его проснувшийся рассудок не достаточно еще окреп. Также и чувства его не были еще настолько спокойны, чтоб овладеть такой трудной задачей и больше всего желал бы он быть засыпанным еще две тысячи лет тому назад в вилле Диомеда, чтоб только быть уверенным, что никогда больше не встретится с Зоей-Gradiv`ой.

Но страстное желание снова ее увидеть боролось с последними попытками к бегству, от которых он еще не освободился.

Огибая один из четырех углов колоннады, Ганольд с испугом отскочил назад. На сломанном куске стены сидела одна из девушек, погибших в вилле Диомеда. Но эта мысль была последней попыткой вернуться в царство бреда; нет, это была Gradiva, которая, очевидно, пришла для того, чтоб закончить исцеление нашего героя. Она верно объяснила его первое инстинктивное движение желанием уйти, и указала ему, что он не может убежать, так как начался сильный ливень. Немилосердная девушка начала с вопроса: что значила эта история с мухой на ее руке? Он не мог решить, каким местоимением пользоваться в разговоре с ней, но у него хватило достаточно смелости, чтобы обратиться к ней с решительным вопросом.

"У меня в голове - как кто-то сказал - все перепуталось, поэтому прошу прощения за то, что я таким образом обошелся с рукой. Как мог я быть столь безрассудным, мне совершенно непонятно; но также отказываюсь понять, каким образом обладательница этой руки могла меня упрекнуть в этом безрассудстве, называя меня по имени". "По-видимому, ты все еще ничего не понимаешь, Норберт Ганольд. Правда, это меня не удивляет, ты уже давно меня к этому приучил. Чтобы получить новый урок мне не зачем было ездить в Помпею, ты мог бы мне дать его добрых сто миль ближе".

"Да, на сто миль ближе; против твоей квартиры, в угловом доме, стоит у меня на окне клетка с канарейкой", - поясняет она ему, все еще не понимающему.

Последние слова действуют на слушателя, как какое-то далекое смутное воспоминание. Ведь это та птичка, пение которой внушило ему решение отправиться в Италию.

"В доме этом живет мой отец, профессор зоологии Рихард Бертганг."

Как соседка, она, стало быть, знала его, и его имя. У нас же является чувство разочарования при этой простой развязке, не оправдавшей наших ожиданий.

Норберт Ганольд не показывает еще, что к нему вернулась самостоятельность мысли, повторяя: "Стало быть, Вы - Зоя Бертганг? Но ведь она выглядела совсем иначе..."

Ответ Зои Бертганг показывает затем, что между ними обоими существовали, кроме соседства, еще и другие отношения. На основании прежних прав своих она настаивает на интимном обращении на "ты", которое казалось естественным по отношению к привидениям, но неуместным в разговоре с живой. "Если ты считаешь обращение на "вы" более удобным, будем говорить так; хотя для меня естественней говорить вам "ты". Я не знаю, выглядела ли я иначе в то время, когда мы дружно играли и бегали вместе, а при случае, для разнообразия, тузили и лупили друг друга. Но если б вы хоть один раз, в последние годы, удостоили меня взглядом, то, быть может, убедились бы тогда, что я уже давно так выгляжу".

Итак, между обоими существовала детская дружба, быть может и детская любовь, которая оправдывала это обращение на "ты". Не кажется ли эта развязка такой же простой, как и первая, которую мы предложили? Нам приходит в голову мысль, многое объясняющая и углубляющая, а именно, что эта детская связь может неожиданным образом объяснить некоторые частности и подробности из того, что произошло между ними обоими во время их настоящей встречи. Этот удар по руке Зои- Gradiv`ы, который Норберт Ганольд так прекрасно мотивировал необходимостью "экспериментального решения вопроса о телесности видения", - не напоминает ли он с другой стороны воскресший детский порыв "тузить и лупить" друг друга, о силе которого в детстве свидетельствуют нам слова Зои? И когда Gradiv`a обращается к молодому археологу с вопро-

сом - не кажется ли ему, что они уже однажды, две тысячи лет тому назад, завтракали вместе - не становится ли этот вопрос понятным, если вместо исторического прошлого мы поставим личное - детство, воспоминания о котором остались живыми у девушки, а из памяти молодого человека, казалось, изгладились? Не начинает ли нам вдруг казаться, что фантазии молодого археолога по поводу его Gradiv`ы могут быть отражением этих забытых воспоминаний детства? В таком случае эти фантазии нельзя назвать произвольными продуктами воображения, но обусловленными впечатлениями и воспоминаниями детства, влияющими на него даже помимо его сознания. Мы должны постараться доказать в отдельных случаях это происхождение его фантазии, хотя бы только как вероятное предположение. Когда напр. ему кажется, что Gradiv`a должна быть греческого происхождения, дочерью почтенного человека, быть может, жреца Цереры - то разве это не совпадает довольно хорошо с предположением о влиянии на него известного ему греческого имени девушки - Зоя - и ее принадлежности к семье профессора зоологии? Но если б фантазии Ганольда были преобразившимися воспоминаниями, мы можем предполагать, что указания на их источники мы найдем в словах Зои Бертганг. Прислушаемся же к тому, что она говорит; она уже рассказала нам о глубокой детской привязанности, существовавшей между ними; теперь же мы узнаем, какое развитие получило это детское чувство в каждом из обоих в дальнейшем.

"Тогда... ну, до того времени, пока нас не стали называть - сама не знаю отчего - подростками, во мне жила необыкновенная привязанность к вам и я думала, что в целом мире не смогла бы никогда найти лучшего друга. Матери, братьев и сестер у меня не было, а для моего отца медянка в спирту была интереснее меня; а что-нибудь должен иметь всякий, - в том числе и девушка - чем можно было

бы занять свои мысли и все то, что с ними связано. И эти "вы" были тогда для меня; но когда на вас обрушилось это несчастье - археология, я сделала открытие, что из тебя - простите, но ваше галантное нововведение звучит так нелепо и так не гармонирует с тем, что я хочу выразить - я хотела сказать: тогда, именно, стало ясно, что из тебя сделался несносный человек, который, по крайней мере для меня, не имел ни глаз в голове, ни языка во рту, ни воспоминаний, тех воспоминаний, которые у меня живо сохранились о нашем детстве. И если я тебе показалась другой, чем прежде, то это потому, что встречаясь изредка со мной в обществе, - последний раз это было еще прошлой зимой, - ты никогда не замечал меня и не разговаривал со мной. Впрочем, для меня не делались исключения, потому что ты поступал так же точно и по отношению к другим. Я была для тебя пустым пространством, а ты, со своим белокурым хохлом, за который я так часто таскала тебя, был скучный, сухой, молчаливый, как чучело какаду, и притом, важный, как археоптерикс - так, кажется, называется это птицеподобное ископаемое. Но я все же никогда не подозревала, чтоб в твоей голове могла зародиться такая дикая фантазия - принять меня в Помпее тоже за ископаемое и притом воскресшее. Когда ты так неожиданно появился передо мной, мне стоило сначала большого труда понять, какой нелепый бред овладел твоим воображением. Потом это забавляло меня и нравилось мне, несмотря на свое безумие. Повторяю - этого я за тобой не подозревала".

Таким образом, девушка совершенно ясно сообщает нам о том, что стало с годами у них из их детской дружбы. У нее это чувство дошло до влюбленности, ибо нужно ведь иметь что-нибудь, чему можно было бы отдать свое девичье сердце. Зоя Бертганг, это воплощение ума и ясности, дает нам возможность насквозь разглядеть все ее психическую жизнь. Если применимо ко всем правило, что всякая

нормально воспитанная девушка первую привязанность свою отдает отцу, то это тем более должно было с Зоей случиться, потому что в семье своей, кроме отца, она никого не имела. Но у отца не нашлось в душе ничего для нее, интересы науки овладели им всецело. Поэтому ей пришлось искать себе кого-нибудь другого, и всю глубину сердечной привязанности своей она отдала другу юности. Когда и последний перестал замечать ее, то это не разрушило любви к нему, а напротив, еще увеличило ее, так как он сделался похожим на ее отца; как и тот, он весь был поглощен наукой, и ушел от жизни и от Зои. Таким-то образом могло случиться, что она осталась верной неверному, что в возлюбленном нашла отца, охватила обоих одним чувством, или, как мы говорим, идентифицировала обоих в своем чувстве.

Откуда берем мы основание для этого маленького психологического анализа, который может легко показаться произвольным? В одной единственной, но характерной подробности, которую дал нам автор. Когда Зоя описывает столь печальное для нее превращение своего друга, она ругает его, сравнивая с археоптериксом, т. е. с тем чудовищем-птицей, которое принадлежит археологической зоологии. Таким образом, она нашла одно конкретное выражение для идентифицирования обоих лиц; ее гнев разит одним словом как возлюбленного, так и отца. Этот археоптерикс является, так сказать, компромиссом, или как бы средним представлением, в котором совпадают мысли о глупости и возлюбленного и отца.

Совсем другое произошло с молодым человеком. Археология захватила его совершенно, оставив в нем интерес только к женщинам из мрамора и бронзы. Вместо того, чтоб обратиться в страсть, детская дружба заглохла в нем и воспоминания о ней были так глубоко забыты, что, встречаясь в обществе, он не узнавал своей подруги и не обра-

щал на нее никакого внимания. Но если мы обратим внимание на дальнейшее, то можем усомниться, можно ли назвать "забвением" то, что случилось с этими воспоминаниями нашего археолога. Существует особого рода забвение, которое отличается тем, что при нем лишь с большой трудностью удается вызвать воспоминания, даже при наличности сильного внешнего возбудителя. В таких случаях может казаться, будто имеется внутреннее сопротивление, не допускающее такого воспоминания. Такое забвение в психопатологии носит название "вытеснения"; случай, который изображен нашим автором, кажется нам примером такого вытеснения. Мы еще вообще не знаем, связано ли забвение какого-нибудь впечатления с исчезновением "следов воспоминания" о нем в душевной жизни. Относительно же "вытеснения" мы можем с уверенностью утверждать, что оно не сопровождается уничтожением "следов воспоминания". Вытесненное хотя и не может, обыкновенно, непосредственно вспомниться, но не теряет способности оказывать воздействие и влияние на душевную жизнь; под влиянием какого-нибудь внешнего раздражения оно ведет к психическим последствиям, которые можно рассматривать, как преобразование или продукты забытых воспоминаний, и которые остаются непонятными, если на них не так смотреть. Мы полагаем, что в фантазиях Норберта Ганольда по поводу Gradiv`ы можно узнать такие продукты его вытесненных воспоминаний о детской дружбе с Зоей Бертганг. С особой закономерностью нужно ждать такого рода возвращения вытесненного, если с этими вытесненными впечатлениями связаны эротические чувства человека, если его любовные переживания подверглись такого рода вытеснению. И в этом случае оказывается справедливой старая латинская пословица: "Naturam furca expellas, semprer redibit", первоначально, может быть, относившаяся к "изгнанию" благодаря внеш-

ним причинам, а не внутренним конфликтам. Но пословица эта не говорит еще всего; она только подтверждает факт возвращения вытесненной "природы", но не описывает в высшей степени интересного способа этого возвращения, совершающегося вдруг, как бы исподтишка. Как раз то, что служит средством вытеснения - как furca пословицы, - становится и носителем, выразителем возвращающегося; в самом вытесняющем, и как бы за спиной его, выявляется вытесненное и побеждает его. Известная гравюра Фелисьена Ропса лучше многих рассуждений иллюстрирует этот мало известный, но заслуживающий огромного внимания факт на ярком примере вытеснения в жизни кающихся святых. Аскетический монах ищет спасения от искушений света у изображения распятого Спасителя. И крест, подобно тени, опускается, а на его месте, сияя, поднимается соблазнительный образ обнаженной женщины. Другие художники, с меньшим психологическим чутьем, помещали дерзко-торжествующий грех на каком-нибудь месте возле распятого Спасителя. Один только Ропс поместил его на месте самого Спасителя на кресте; он как будто бы знал о том, что вытесненное, при возвращении своем, прорывается в том самом, что вытесняет его.

На этом месте стоит остановиться, чтоб убедиться на случаях болезни, какой чувствительной становится психика человека в состоянии такого вытеснения к проявлению вытесненного, и какого небольшого и незначительного сходства достаточно, чтоб это вытесненное как-нибудь проявилось через посредство вытеснявшего. Однажды мне пришлось лечить одного молодого человека, почти мальчика, который, узнав помимо воли своей о тайне половой жизни, всеми силами старался избавиться от проснувшихся в нем страстных желаний, употребляя для этого различные способы вытеснения: работал с необыкновенным прилежанием, особенно сильно привязался к матери, и старал-

ся сохранить что-то ребяческое в своем поведенне н характере. Я не хочу сейчас подробно нзлагать, как именно в отношениях его к матери проявлялось вытесненное половое чувство, а опнсать более редкий и странный случай, - как другой обороннтельный оплот этого молодого человека рухнул по самому незначительному н недостаточному поводу. Математика пользуется славой лучшего средства для отвлечения от всего сексуального, н еще Ж. Ж. Руссо получил следующий совет от одной дамы, которая была нм недовольна: Lascina le donne e studia la matematica. И наш пацнент занялся также с особенным рвением математнкой и геометрией, преподаваемымн в школе; но однажды его способности изменили ему перед несколькимн, казалось самымн невинньмн задачами. Точный текст двух из них нам удалось установнть: "Два тела столкнулнсь, одно со скоростью... н т. д. И - в цнлнндр, диаметр основания которого t надо вписать конус н т. д." При этнх фразах, в которых другой не заметил бы никаких намеков на сексуальное, больной почувствовал, что н в математнке не может найтн верного убежища, и оставил занятня ею.

Еслн б Норберт Ганольд был взятым нз действнтельности лнцом, у которого археология вытесннла любовь н воспоминания о детской дружбе, то было бы вполне правнльно н естественно, чтоб нменно старинный барельеф разбудил в нем воспоминание о детских чувствах к возлюбленной; он вполне заслужил бы свою судьбу, еслн бы влюбился в каменное изображенне Gradiv`ы, из-за которого, благодаря непонятному сходству, появляется образ живой и позабытой Зон.

Как видно н сама Зоя Бертганг разделяет наш взгляд на бред молодого археолога, потому что выражение благоволения, о котором она говорит в конце своей "откровенной, обстоятельной н поучительной отповеди", нельзя иначе объяснить, как ее готовность пржнять с самого начала на

свой счет интерес Норберта к Gradiv`e. Этого, именно, она от него не ждала, но все же распознала, несмотря на странную бредовую форму, в которую его чувство было облечено. На него же ее психическое воздействие и лечение имели самое благотворное влияние; он чувствовал себя освобожденным, потому что бред его был заменен тем, с чего он мог быть лишь изуродованным и неверным слепком. Он не замедлил теперь вспомнить обо всем и узнал в Gradiv`e свою хорошую, веселую, умную подругу, которая, в сущности, совершенно не изменилась. Но нечто другое казалось ему очень странным:

- "Что нужно умереть, чтоб потом воскреснуть" - сказала молодая девушка - "но для археолога это, очевидно, необходимо". Она, по-видимому, не простила ему еще того окольного пути через археологию, который он прошел от их детской дружбы до завязавшихся между ними снова отношений.

"Нет, я имею в виду твое имя; ведь Gradiva и Bertgang - значит тоже самое - "в сиянии идущая".

Этого даже и мы не ожидали. Наш герой начинает выходить из своей удрученности и играть активную роль. Он, очевидно, совершенно излечен от своего бреда, одержал над ним верх и доказывает это тем, что сам разрывает последние нити своей бредовой сети. Так же точно поступают больные, которых освобождают от гнета и власти их бредовых идей, открывая скрытое за последними вытесненное. Как только они это поняли, то сейчас же сами дают объяснение последних и наиболее важных и загадочных явлений их состояния, посредством внезапно приходящих им в голову мыслей и соображений. Мы уже раньше предположили, что мысль о греческом происхождении фантастической Gradiv`ы могла явиться под влиянием женского имени "Зоя"; но к самому имени "Gradiva" мы не осмеливались критически подойти, его считали мы сво-

бодным созданием фантазии Норберта Ганольда. И что же? Как раз это имя оказывается переводом вытесненной фамилии якобы позабытой подруги детства.

Происхождение и объяснение бреда закончены. То, что следует у автора далее, должно служить гармоничному окончанию рассказа. В ожидании будущего, нас может только радовать, что человек, игравший раньше грустную роль больного, совершенно приходит в себя, и ему удается даже вызвать в молодой девушке кое-что из тех чувств, от которых сам прежде страдал. Он возбуждает в ней ревность тем, что вспоминает о той молодой, симпатичной даме, которая, своим появлением, нарушила прежде их уединение в доме Мелеагра; он говорит, что она была первой, которая ему очень понравилась. Когда, после этого, Зоя хочет холодно проститься с ним, говоря: - теперь все образумились и она не менее других; он может отыскать Гизу Гартлебен, или как там она теперь называется, чтоб помочь ей в научном отношении во время пребывания в Помпее, она же должна теперь поспешить в Albergo del sole, где ее отец ждет ее с обедом; может быть, они еще когда-нибудь встретятся в обществе, в Германии, или на луне - тогда он снова пользуется мухой, как предлогом для того, чтоб овладеть сначала ее щеками, а потом и губами и проявить агрессивность, которая в игре любви составляет обязанность мужчины. Еще только один раз как будто омрачается их счастье - когда Зоя заявляет, что теперь уж в самом деле должна идти к отцу, который умрет с голоду в "Sole". - "Твой отец - как он?" Но умная девушка умеет сразу рассеять его опасения: "Вероятно, он никак не отнесется; я не принадлежу к числу необходимых экземпляров его зоологической коллекции, иначе мое глупое сердце, быть может, не привязалось бы к тебе так сильно". Но если бы отец неожиданно оказался другого мнения, чем они, то у них все же нашлось бы верное средство. Ганольду стоит

только переехать на Капри, поймать там одну Lacerta faraglionensis - (в технике ловли он мог бы поупражняться на ее маленьком пальце) - выпустить здесь это животное, поймать его снова на глазах зоолога и предоставить ему выбор между faraglionensis на материке и дочерью. Совет, в котором, как это легко заметить, насмешка смешана с горечью; а также и предостережение жениху, чтоб он в дальнейшем не держался того образца, по которому его выбрала возлюбленная. Норберт Ганольд успокаивает нас и на этот счет, проявляя в различных мелочах ту перемену, которая с ним произошла. Он высказывает намерение совершить со своей Зоей свадебное путешествие в Италию и в Помпею, как если б его никогда не раздражали путешествующие новобрачные Августы и Греты. То, что он чувствовал по отношению к этим счастливым парам, столь напрасно удалявшимся на тысячу верст от их немецкой родины, совершенно исчезло из его памяти. И автор безусловно прав, выставляя такого рода забывчивость лучшим доказательством душевной перемены. Зоя возражает по поводу высказанного пожелания, ее *"также как будто выкопанного из развалин друга детства"*, что не чувствует себя еще достаточно ожившей для таких "географических решений". Отныне прекрасная действительность победила бред, но прежде чем оба покидают Помпею, воздается честь и последнему. Придя к Иркумсовым воротам, где, у начала Strada consolare, старые каменные плиты пересекают улицу, Норберт Ганольд останавливается и просит молодую девушку пройти вперед. Она понимает его "и приподняв слегка левой рукой платье перешла улицу в солнечном блеске возрожденная Gradiva-Зоя Бертганг своей спокойной скользящей походкой. И мечтательным взглядом следил за ней Норберт Ганольд." Вместе с торжеством эротики теперь получает должную оценку и то, что было прекрасно и драгоценно в его бреде.

Последней фразой о "выкопанном из развалин друге детства", автор дал нам в руки ключ к пониманию всей той символики, которой пользовался бред нашего героя при маскировании вытесненного воспоминания. Действительно, трудно придумать лучшую аналогию для вытеснения, которое делает какое либо душевное переживание недоступным, но, в то же время, сохраняет его нетронутым, чем погребение, ставшее участью Помпеи, от которого теперь, благодаря работам заступов, город опять как бы воскресает. Потому то фантазия молодого археолога должна была перенести в Помпею оригинал, с которого был сделан рельеф, напомнивший ему о забытой подруги юности. И автор имел полное основание остановиться перед столь важным сходством между душевными переживаниями единичной личности и отдельным событием в истории человека, сходством, которое он уловил тонким своим чутьем.

II

Нашим намерением, собственно говоря, было подвергнуть исследованию, при помощи известного аналитического метода, те два или три сновидения, которые встречаются в рассказе Gradiva; как же это случилось, что мы увлеклись изложением хода всего произведения и исследованием душевных переживаний двух главных его героев? Это было не излишней, а необходимой подготовительной работой. Если мы хотим изучить действительные сновидения какого-нибудь реального лица, мы также должны досконально познакомиться с его характером и судьбой, и принять во внимание не только его переживания непосредственно перед сном, но и прожитое из далекого прошлого. Мне кажется, что мы все еще не можем взяться за решение нашей настоящей задачи, что мы должны еще дальше ос-

тановиться на самом рассказе, и продолжить нашу подготовительную работу.

Наши читатели, вероятно, заметили с удивлением, что мы относимся к проявлениям душевных переживаний и поступков Норберта Ганольда и Зои Бертганг, словно они были бы действительными существами, а не продуктом творчества поэта, словно творческий замысел последнего был для нас абсолютно ясной средой, а не туманной и преломляющей свет. И тем страннее должно казаться подобное наше отношение, что сам автор вполне ясно и определенно заявляет, что не изображает действительности, назвав свое произведение "фантазией". Но мы находим его описания до того верными действительности, что ничего не могли бы возразить, если бы "Gradiva" называлась психиатрическим этюдом, а не фантазией. Только в двух пунктах автор воспользовался дозволенной ему свободой, создавая предположения, почву для которых, кажется, нельзя найти в закономерности жизни. В первом - когда он заставляет молодого археолога найти несомненно античный барельеф, который не только особенностью походки, но и лицом и сложением, во всех деталях до того верно воспроизводит много позже живущую девушку, что молодой ученый принимает ее за ожившее каменное изображение. Во-вторых, - когда автор заставляет своего героя встретиться с этой девушкой именно в Помпее, куда фантазия его уже раньше перенесла ее умершею; а между тем своим путешествием в Помпею он удалялся от той живой, которую заметил на улице, где жил. Однако, это второе допущение автора не является еще большим уклонением от возможностей действительной жизни; оно берет только себе в помощь случайность, играющую, несомненно, большую роль в человеческих судьбах. К тому же эта случайность получает глубокий смысл, так как и тут повторя-

ется роковая судьба: попадаешь как раз на то, от чего хотел спастись бегством.

Гораздо фантастичнее, и совершенно произвольным со стороны автора кажется первое допущение, которое влечет за собой дальнейшие события: большое сходство молодой девушки с скульптурой. А между тем холодное рассуждение скорее могло бы ограничиться только сходством в положении ноги при шаге. Поневоле появляется желание дать свободу полету собственной фантазии, чтоб согласовать это с действительностью. Имя Бертганг могло бы указать на то, что женщины этого семейства отличались уже в старые времена особенно красивой походкой, и немецкие Бертганги связаны наследственной преемственностью с той римлянкой, которая побудила художника увековечить в камне особенность ее походки. А так как различные вариации человеческих внешностей не совершенно независимы друг от друга и в нашей среде, действительно, часто встречаются античные типы, похожие на образцы из древних коллекций, то не было бы абсолютно невозможным, чтоб современная Бертганг была до мелочей внешностью похожа на свою прародительницу. Разумней подобного рода спекуляций было бы осведомиться у самого автора о тех источниках, из которых он почерпнул эту часть своего творчества; тогда представилась бы опять возможность объяснить известной закономерностью то, что казалось нам произволом. Но так как нам недоступны источники психологии автора, то мы оставляем за ним неограниченное право создавать правдоподобное развитие, исходя из невероятного предположения, - право, которым воспользовался, например, Шекспир в своем "Короле Лире".

За исключением этого, повторяем мы, автор представил нам вполне правильный психиатрический этюд, на котором мы можем подвергнуть пробе наше понимание психологии; перед нами история болезни и излечения, как будто

предназначенные для описания и выяснения некоторых основных учений врачебной психологии. Довольно странно, что это суждено было сделать поэту. Что, если, будучи спрошенным, он станет отрицать это намерение? Ведь так легко сравнивать и подтасовывать; не вкладываем ли мы сами, в прекрасный поэтический рассказ какой то таинственный смысл, совершенно чуждый автору. Возможно! Позже мы еще вернемся к этому. Пока же мы сами старались уберечь себя от такого тенденциозного толкования тем, что передавали содержание рассказа почти дословно, беря у автора как содержание, так и комментарии к нему. Тот, кто сравнит точный текст Gradiv`ы с нашим переложением ее, должен будет это подтвердить.

Очень, возможно, что мы оказываем плохую услугу нашему поэту в глазах большинства, называя его произведение психиатрическим этюдом. Не дело писателя касаться психиатрии - так говорят многие - пусть он предоставит врачам описывать состояние больной души. Но в действительности, ни один настоящий поэт не соблюдал этого завета. Описание психической жизни людей - его настоящая сфера; поэты во все времена шли впереди науки, не исключая и научной психологии. А граница между нормальным и так назыв. болезненным психическим состоянием, с одной стороны - так условна, с другой - так трудно уловима, что каждый из нас вероятно не раз переходит ее в течение дня. С другой стороны и психиатрия поступила бы неправильно, если бы ограничивалась изучением только тех тяжелых и мрачных заболеваний, которые происходят от серьезных повреждений психического аппарата. Более легкое и излечимые отклонения от здорового состояния, которые мы в настоящее время не можем проследить далее, чем до известного нарушения равновесия психических сил, для нее не менее интересны. Даже больше того, только благодаря последним она может понять как здоровье, так и

проявления тяжелой болезни. Поэтому поэт не может не столкнуться с психиатром, а психиатр с поэтом и поэтическая разработка психиатрической темы может, ничего не теряя в красоте, быть вполне правильной.

Это поэтическое изображение истории болезни и излечения, действительно, вполне правильно и верно. Теперь, окончив изложение содержания рассказа и удовлетворив наше любопытство, мы лучше сможем охватить и понять все развитие его и постараемся воспроизвести его в технических выражениях нашей науки; при этом нас не должно пугать то, что нам снова придется повторять уже сказанное.

Автор называет достаточно часто состояние Норберта Ганольда бредом и мы не имеем никакого основания отказаться от этого названия. Можно указать две главных характерных черты бредовых явлений, при помощи которых они хотя и не описываются исчерпывающе, но могут быть отличены от других нарушений психической жизни. Во-первых, бред принадлежит к той группе болезненных состояний, которые не имеют непосредственного влияния на физическое состояние, а выражаются только психическими явлениями; во-вторых, он отличается тем, что при нем продукты "фантазии" являются главным господствующим началом, т. е. принимаются на веру и влияют на действия и поступки. Вспомним только поездку в Помпею, предпринятую для того, чтобы отыскать в пепле особенный отпечаток ноги Gradiv`ы; в ней мы имеем прекрасный пример действия, совершенного под влиянием бреда. Психиатр, возможно, причислил бы состояние Норберта Ганольда к большой группе Paranoia - (бредовое помешательство) и назвал бы его "фетишистской эротоманией", потому что влюбленность героя в каменное изображение привлекла бы больше всего его внимание; кроме того, интерес молодого археолога к ногам и положению ног женской фигуры мог-

ло показаться подозрительным в отношении фетишизма. Между тем, все эти названия и подразделения различного рода бредов по их содержанию несколько сомнительны и бесполезны *.

Строгий психиатр назвал бы дегенератом нашего героя, создавшего бред свой на почве такого странного пристрастия, и стал бы доискиваться той наследственности, которая неминуемо привела его к такому состоянию. Так далеко писатель не следует за психиатром; и вполне прав. Он хочет нас сблизить со своим героем, дать нам возможность сочувствовать ему, переживать с ним; диагноз же: дегенерат, - независимо от того, насколько он оправдывается или не оправдывается наукой, - тотчас же отдаляет от нас молодого археолога; потому что мы, читатели, являемся нормальными людьми и мерилом среднего человека. Наследственные и конституциональные причины этого состояния также мало беспокоят писателя; но зато он углубляется в субъективное душевное состояние и настроение, которое может породить такой бред.

В одном, очень важном, отношении Норберт Ганольд отличается от обыкновенных людей. У него отсутствует интерес к живой женщине; наука, которой он служит, отняла у него этот интерес и направила его на женщин из камня и бронзы. Этого не следует считать безразличной особенностью; в этом, скорее всего, главная причина всего рассказанного; поэтому и случается однажды, что одно из таких каменных изображений в такой степени овладевает интересом молодого ученого, в какой это обыкновенно способна сделать только живая женщина, - и таким образом бред готов. Затем перед нашими глазами развертывается картина того, как, благодаря счастливому обстоятель-

* В действительности, случай Норберта Ганольда должен быть определен, как исторический бред, а не paranoia; характерные черты paranoia здесь отсутствуют.

ству, этот бред излечивается и интерес переносится с камня снова обратно на живую женщину. Автор не дает нам возможности проследить, благодаря какому влиянию наш герой отворачивается от женщин; он указывает только, что поведение героя не объясняется врожденными особенностями, что ему скорее не чужды потребности фантастического - добавим эротического - характера. Из дальнейшего мы узнаем, что в детском возрасте он ничем не отличался от других детей; он был в большой дружбе с маленькой девочкой, с которой был неразлучен, делил с ней свои завтраки, тузил ее и позволял ей таскать себя за волосы. В такой привязанности, в таком смешении нежности с агрессивностью выражается несозревшая еще эротика детского возраста, влияние которой проявляется лишь в последствии, в зрелом возрасте, но тогда за то с тем большей силой; в столь раннем же возрасте только врачи и писатели умеют ее распознать. Наш писатель определенно указывает, что и он думает не иначе, так как при первом же удобном случае, пробуждается в его герое живейший интерес к походке женщин и к постановке их ног при ходьбе, - что создает ему и в науке и среди женщин его города дурную славу фетишизма из воспоминаний о подруге детства. Эта девушка, вероятно, уже в детстве отличалась особенно красивой походкой и почти отвесным положением ноги при шаге, и только благодаря изображению такого же точно шага старинный барельеф получает такое большое значение для Норберта Ганольда. Впрочем, мы должны здесь заметить, что мнение нашего писателя о происхождении замечательного явления фетишизма вполне совпадает со взглядами науки. Со времени А.Бинэ мы, действительно, пытаемся объяснить фетишизм, как следствие эротических впечатлений, полученных в детстве.

Состояние продолжительного безразличия к женщине создает субъективную склонность, как мы говорим, пред-

расположение к созданию бредовой идеи. Развитие психического расстройства начинается с того момента, когда какое-то случайное впечатление будит забытые детские переживания, имеющие хотя бы малейший эротический оттенок. Впрочем, слово "будит" - не вполне верное обозначение, если принять во внимание дальнейшее. Теперь мы должны передать точными научными терминами психологии верные изображения писателя. Норберт Ганольд не вспоминает при взгляде на барельеф, что такое положение ноги он видел уже у своей подруги детства; он вообще ничего не вспоминает. А, тем не менее, сила того впечатления, которое производит на него барельеф, зависит от впечатлений, полученных в детстве. Таким образом, воспоминание детства оживает, делается активным, начинает проявляться, но не доходит до сознания, остается "бессознательным", как мы говорим, прибегая к термину, ставшему необходимым теперь в психопатологии. Это "бессознательное" мы не желали бы видеть предметом споров между философами и натурфилософами, споров, часто имеющих лишь этимологическое значение. Для психических процессов, которые проявляются активно и в то же время не доходят до сознания переживающего их лица, мы не имеем лучшего названия чем "бессознательное" и ничего другого мы не подразумеваем под этим словом. Если некоторые мыслители оспаривают существование такого "бессознательного", считая его бессмыслицей, то это, полагаем мы, потому, что они никогда не изучали соответствующих психических феноменов. Они находятся под влиянием общепринятого взгляда, что всякое интенсивное и активное психическое переживание должно непременно быть сознательно; но они должны еще поучиться тому, что хорошо известно нашему поэту: что существуют такие психические процессы, которые, несмотря на свою интен-

сивность и активное проявление, все же не достигают сознания.

Мы уже как то раньше говорили, что воспоминания о детской дружбе с Зоей находились у Норберта Ганольда в состоянии "вытеснения"; теперь же мы назвали их "бессознательными" воспоминаниями. Тут мы должны остановить наше внимание на соотношении этих двух понятий, которые кажутся как бы тождественными по смыслу. Это не трудно объяснить. "Бессознательное" - понятие более широкое, "вытесненное" - более узкое. Все, что "вытеснено", становится "бессознательным", но не по поводу каждого "бессознательного" можно сказать, что оно "вытесненное". Если бы при взгляде на барельеф Ганольд вспомнил о походке своей Зои, то бессознательное прежде воспоминание сделалось бы у него одновременно и активным и сознательным, и это доказывало бы, что раньше оно не было вытесненным. "Бессознательное" - это чисто описательный, с известной точки зрения, неопределенный, статический термин; "вытесненное" же - динамическое выражение, которое принимает во внимание взаимодействие душевных сил. Оно свидетельствует о том, что в душе существует стремление ко всевозможным психическим проявлениям, в том числе и к проявлению в сознании, но что также имеется и противодействие, сопротивление части этих проявлений, в том числе и проявлению в сознании. Признаком "вытесненного" остается то, что оно, несмотря на свою интенсивность не может проникнуть в сознание. В случае с Норбертом Ганольдом речь идет таким образом, с момента появления барельефа, о вытесненном бессознательном, короче - о вытесненном.

Вытесненными являются у Норберта Ганольда воспоминания о детском общении с девочкой, обладающей красивой походкой - но в этом факте еще не заключается полный разбор всей психологической ситуации. Мы остаемся

на поверхности вопроса до тех пор, пока будем говорить только о представлениях и воспоминаниях. Единственно ценными в психической жизни являются чувствования; все психические силы получают значение только благодаря своей способности будить чувства. Представления вытесняются только потому, что они связаны с чувствами, которые не должны проявиться; правильней было бы сказать, что вытеснения относятся к чувствам, но мы в состоянии их уловить только в связи с определенными представлениями. Вытеснены у Ганольда его эротические чувства и так как эти чувства не имеют и никогда не имели другого объекта, кроме, еще в детстве, Зои Бертганг, то и воспоминания о ней были забыты. Античный барельеф будит в нем дремлющие эротические чувства и воспоминания начинают пробуждаться в душе его. Из-за существующего в Ганольде сопротивления эротике эти воспоминания могут проявляться только, как бессознательные. Все, что в нем происходит в дальнейшем, представляет борьбу между могуществом эротики с вытесняющими ее силами; проявление этой борьбы и есть бред Ганольда.

Наш писатель не дал объяснения, откуда берется вытеснение чувства любви у его героя; занятия наукой - только средство, которым вытеснение воспользовалось. Врач должен был бы доискиваться более глубоких причин, быть может, и не найдя их первоисточника в данном случае. Но, как мы с удивлением уже отметили, автор подробно изобразил, как именно одно из средств, служивших для вытеснения эротики содействовало ее пробуждению. Вполне правильно то, что именно античное произведение, каменное изображение женщины, выводит молодого археолога из того психического состояния, в котором он находился, сторонясь любви, и заставляет его уплатить жизни долг, которым мы обременены от рождения.

Первыми проявлениями процесса, возбужденного в Ганольде барельефом, становятся его фантазии, которые вращаются вокруг изображенной на этом барельефе особы. Модель кажется ему чем-то "современным" в лучшем смысле этого слова: словно, художник схватил "из жизни" эту идущую по улице девушку. Этой античной девушке он дает имя "Gradiva", производя его, подобно эпитету идущего на бой бога войны - "Mars Gradivus". Все с большей определенностью рисует он себе ее личность. Она, должно быть, дочь почтенного человека, вероятно патриция, который имеет какое либо отношение к богослужению в храме; в чертах ее лица, кажется ему, видно ее греческое происхождение; в конце концов, его тянет перенести ее подальше от сутолоки большого города в более тихую Помпею, где он мысленно представляет себе ее идущей по гранитным плитам, служащим для перехода с одной стороны улицы на другую. Эти проявления фантазии являются в достаточной степени произвольными и безобидными и не внушают никакого подозрения. Даже и тогда, когда от них исходит импульс к действию, когда молодой археолог, для решения задачи - бывает ли такая постановка ног при шаге в действительности - начинает делать наблюдения над походкой своих современниц, женщин и девушек, он объясняет свои поступки известным ему научным мотивом; будто весь его интерес к каменному изображению вытекает из его научных занятий археологией. Идущие по улице женщины и девушки, сделавшиеся объектом его наблюдений, дают другое, грубое эротическое толкование его занятиям и мы должны признать, что они правы. Для нас несомненно то, что Ганольд так же мало знает мотивы своих исследований, как и происхождение своих фантазий о Gradiv`е. Последние, как это мы позже узнаем, являются отголосками воспоминаний о возлюбленной его юности, отголосками этих воспоминаний, преобразованиями и искажениями

их после того, как им не удалось достигнуть сознания в неизмененном виде. Эстетическое суждение о том, что в каменном изображение есть что-то “современное”, является вместо несомненно известного ему факта, что такую походку иметь знакомая ему, идущая по улице современная девушка; под впечатлением, что это “взято из жизни”, и под влиянием фантазии о греческом происхождении Gradiv`ы, скрывается воспоминание о ее имени Зоя, которое по-гречески значит “жизнь”; имя же Gradiva, как нам сообщает в конце излеченный от своего бреда, Ганольд в сущности - удачный перевод ее фамилии Бертганг, которая значит: “блестяще и великолепно ступающая”; догадки по поводу отца имеют источником известный ему факт, что Зоя Бертганг - дочь известного университетского профессора, что, пожалуй, соответствует жреческому сану в древности. И, наконец, его фантазия не потому переносит Gradiv`у в Помпею, “что ее тихий, покойный вид, казалось, того требовал”, но оттого, что в его науке нельзя найти лучшей аналогии для того замечательного состояния, в котором он, при помощи каких то неясных чаяний, улавливает воспоминания о своей детской дружбе. А раз он заменил собственное детство классическим прошлым истории, то погребение Помпеи - исчезновение, при котором прошлое вполне сохраняется - обнаруживает удивительное сходство с вытеснением, известным ему при помощи так назыв. эндопсихического познавания. Он прибегает при этом к той же символике, которой писатель заставляет воспользоваться молодую девушку в конце рассказа.

“Я сказала себе: хоть что-нибудь интересное я уж откопаю в Помпее. Но право я... я не надеялась на находку, которую я сделала”. - В конце молодая девушка отвечает на пожелание поездки высказанное “ее до известной степени засыпанным и опять открытым другом детства”.

Таким образом, мы находим, что уже первые проявления бредовой фантазии Ганольда и его поступки детерминированы двояким образом, имеют два различных источника. Один тот, который сознает сам Ганольд, другой - открывается нам при исследовании его психических переживаний. Один источник известен Ганольду, другой - ему совершенно неизвестен. Один вращается целиком в кругу археологических понятий, другим же являются зашевелившиеся в душе его вытесненные воспоминания детства и связанные с ними чувственные стремления. Первый как бы поверхностен и покрывает второй, как бы притаившийся за ним. Можно было бы сказать, что научная мотивировка служит как бы предлогом для бессознательных эротических влечений, а его наука всецело готова к услугам бреда. Не надо, однако, забывать, что мотивировка бессознательного может добиться лишь того, что вполне удовлетворяет и сознательные научные мотивы Ганольда. Симптомы бреда - фантазии, как и поступки - являются результатом компромисса между обоими душевными течениями, а при всяком компромиссе принимаются в расчет требования обеих сторон; каждая из них должна была отказаться от части того, к чему стремилась. Там, где произошел компромисс, была, значит, и борьба - в данном случае предполагаемый нами конфликт между подавленной эротикой и вытеснявшими ее силами. При образовании бреда эта борьба, собственно, никогда не прекращается. Натиск со стороны бессознательного и сопротивление ему возобновляются после каждого компромисса, который, так сказать, никогда не приводит к удовлетворительному концу. Это знает также и наш писатель, и потому, в этой стадии нарушения психики своего героя, он отдает его во власть чувству неудовлетворенности и странного беспокойства, чувству, являющемуся признаком и залогом дальнейшего развития болезни.

Эти значительные особенности двойного детерминирования фантазии и намерений: оправдание сознательными соображениями таких поступков, в мотивировке которых наибольшее участие принимало вытесненное, встретятся в дальнейшем ходе рассказа часто и в более ясной форме. И вполне основательно, ибо автор уловил и изобразил никогда не отсутствующую, чрезвычайно характерную черту болезненных психических процессов.

Бред Норберта Ганольда развивается благодаря сновидению, не вызванному никаким новым событием и, по-видимому, порожденному исключительно его раздираемой конфликтом душой. Но не будем спешить с исследованием, оправдывает ли поэт и при образовании сновидений наши ожидания в смысле глубокого понимания психологии их. Спросим себя раньше, что говорит научная психиатрия по поводу предположений писателя о происхождении бреда и как относится она к роли вытеснения и бессознательного, к душевному конфликту и к образованию компромисса. Короче говоря, может ли устоять поэтическое изображение генезиса бреда перед судом науки?

И тут мы должны дать, быть может, неожиданный ответ, что в действительности, к сожалению, положение обратное. Наука не выдерживает критики в сравнении с творчеством поэта. Между наследственно-конституциональным предрасположением и готовыми продуктами бреда, наука оставляет зияющую пустоту, которую мы находим заполненной у писателя. Наука еще не подозревает значения вытеснения, не признает необходимости бессознательного для объяснения мира психопатологических явлений; она не ищет причины бреда в душевном конфликте и не видит в симптомах его результатов компромисса. В таком случае писатель стоит одиноко против всей науки? Нет, это не так, если автор настоящей книги имеет право отнести и свои работы к области науки. Потому что он, вот

уже много лет, защищает, оставаясь до последнего времени довольно одиноким* - все эти воззрения, подтверждение которых он, в данном труде, открыл и в Gradiv'e W. Jensen'a и изложил их научным языком. Он указал, главным образом, для состояний, известных под именем истерии и навязчивых представлений, что индивидуальными условиями нарушения психической жизни являются подавление некоторых жизненных инстинктов и вытеснение представлений, которыми эти инстинкты выражаются в сознании, и этот же взгляд повторил потом по отношению к некоторым формам бреда**. Только ли инстинкты, являющиеся компонентами полового чувства, могут при подавлении иметь такие последствия или же это могут инстинкты и другого рода - эта задача должна быть безразлична для анализа "Gradiv'ы", так как в выбранном писателем случае говорится определенно только о подавлении эротических чувств. Автор этой книги доказал свой взгляд на психический конфликт и образование симптомов болезни посредством компромисса между двумя борющимися друг с другом душевными течениями - наблюдениями над больными, лечением их таким же образом, как он это указал по отношению к созданному писателем Норберту Ганольду***. Объяснение проявлений нервозных, специально истерических заболеваний влиянием бессознательных мыслей, сделано было еще до автора настоящей книги учеником великого Шарко-П. Жанэ и, вместе с автором этой книги, Иосифом Брейером в Вене.

* См. важную работу E. Bleuler'a "Affektivitat, Suggestibilitat, paranoia" и Diagnostische Studien C. G. Jung'a - Zurich 1906.

** Сравн. "Sammlung kleiner Schriften zur Neurosenlehre". 1906.

***Bruchstuck einer Hyslerie - analyse 1905.

Когда после 1893 г. автор этой книги углубился в изучение происхождения душевных заболеваний, ему и в голову не приходила мысль - искать у писателей подтверждений своих выводов. Поэтому велико было его удивление, когда он увидел, что в изданной в 1903 году "Gradiv`e" поэт построил свое произведение на тех основах, которые он, автор, считал новыми результатами своих врачебных наблюдений. Откуда у поэта могло быть такое же понимание душевных заболеваний, как у врача или, по крайней мере, каким образом случилось, что поэт поступал так, как будто знал их?

Бред Норберта Ганольда, как мы уже сказали, получает дальнейшее развитие, благодаря сновидению, виденному им во время его поисков на улицах своего города такой походки, какая была у Gradiv`ы. Содержание этого сна мы легко можем воспроизвести вкратце. Норберт находится в Помпее в день гибели несчастного города, переживает все ужасы, не подвергаясь сам опасности, видит там идущую Gradiv`у и сразу считает вполне естественным, что она - помпеянка, живет в своем родном городе и "чего он даже и не предполагал, - в одно время с ним". Его охватывает страх за нее, он зовет ее, в ответ на что она слегка оборачивает к нему свое лицо. Но она идет дальше, не обратив на него внимания, ложится на ступени храма Аполлона и дождь из пепла засыпает ее после того, как лицо ее бледнеет, как бы превращается в мрамор, становясь совершенно похожим на каменное изваяние. При пробуждении своем, Ганольд неправильно принимает доходящий до его ушей шум большого города за крики о помощи отчаявшихся помпеян и рев бушующего моря. Чувство, что приснившееся - случилось с ним в действительности, долго еще по пробуждении не покидает его, и убеждение, что Gradiva жила в Помпее и умерла в тот несчастный день,

остается после этого сновидения, в виде прибавления к его бреду.

Не так легко будет нам объяснить, что хотел выразить поэт этим сновидением и что заставило его связать с ним развитие бреда. Усердные исследователи сновидений собрали достаточно примеров того, как душевные заболевания развиваются после сновидений и вытекают из них*, и из биографий выдающихся людей известно, что пробуждения к важным поступкам и решениям вызваны были у них сновидениями. Но наше понимание мало выигрывает от этих аналогий; поэтому остановимся на вымышленном писателем случае с археологом Норбертом Ганольдом. С какой стороны нужно подойти к этому сновидению, чтоб поставить его в общую связь с ходом действия, чтоб сновидение это не осталось бесполезным украшением изложения?

Я могу себе представить, что в этом месте какой-нибудь читатель воскликнет: сновидение легко объяснить. Обыкновенный "страшный сон", вызванный шумом большого города; шум этот был принят занятым своей помпеянкой археологом за гибель Помпеи! При общепринятом пренебрежительном отношении к сновидениям обычно ограничивают требования объяснений этого явления тем, что находят для части приснившегося какое-нибудь внешнее, тождественное с ним, раздражение. Этим внешним раздражением, вызвавшим сновидение, мог быть шум, разбудивший спящего; этим был бы исчерпан весь интерес к данному сновидению. Если б только мы имели какое-нибудь основание допустить, что большой город был в это утро шумнее, чем всегда; если бы, например, писатель сообщил нам, что, вопреки обыкновению, Ганольд проспал эту ночь при открытом окне! Жаль, что писатель не дал себе труда сделать это! И если б "страшный сон" был чем-то таким про-

* Sancte de Sanctis - Traume 1901.

стым! Нет, так легко вопрос не исчерпывается. Связь с внешним раздражением не представляет ничего существенного для образования сновидений. Спящий может не заметить такого внешнего раздражения; он может, не видя сновидения, проснуться; он может вплести это раздражение в свое сновидение, как это и случилось здесь, если из каких либо других побуждений это ему нужно; ведь существует много снов, в содержании которых не сказывается влияния какого-нибудь раздражения на чувствительность спящего. Нет, попробуем еще другим путем поискать объяснения.

Может быть начнем с той части сновидения, которая застряла в сознании Ганольда по пробуждении. До того времени он только воображал, что Gradiva - помпеянка. Теперь же эта фантазия становится для него достоверным фактом и к нему присоединяется еще уверенность, что Gradiva была засыпана в Помпее в 79 году *. Чувство тоски сопровождает это развитие бреда - словно отголосок ужасного сновидения. Эта новая скорбь о Gradiv`е кажется нам странной; ведь если б даже Gradiva спаслась в 79 году от гибели, то все же она была бы мертвой уже много столетий; или же такими доводами бесцельно убеждать Ганольда, или самого писателя? Также и этот путь, кажется, не ведет к разъяснению. Все же, мы хотим отметить, что этот новый придаток к бреду Ганольда, оставшийся от сновидения, сопровождается очень грустным и тоскливым чувством. В остальном, наша беспомощность не уменьшилась. Это сновидение не разъясняется само собой: мы должны решиться позаимствовать кое что из "Traumdeutung", труда, принадлежащего автору этой книги, и применить некоторые из указанных там правил, для разъяснения этого сна.

Одно из имеющихся там правил гласит: сновидение всегда имеет связь с деятельностью, имевшей место в день

* Сравнить с текстом "Gradiv`ы".

перед сновидением. Писатель хотел показать, что он следовал этому правилу, связав сновидение непосредственно с исследованиями Ганольда походки женщин. Эти исследования означают ничто иное, как поиски Gradiv`ы, которую он хочет узнать по ее характерной походке. Сон, таким образом, должен был бы заключать указание на то, где можно было бы найти Gradiv`у. И это указание он действительно содержит, показывая ее в Помпее. - Но это не то новое, чего мы ищем.

Другое правило говорит: если после сновидения, необычно долго остается вера в действительность созданных им образов, до того сильная, что нельзя отделаться от впечатления этого сна, то эта вера - не ошибка мышления, обусловленная яркостью приснившихся образов, а самостоятельный психический акт, относящийся к содержанию сна; это - уверенность в том, что кое-что действительно так, как это виделось во сне, и, доверяя этому чувству уверенности, поступают правильно. Если мы будем придерживаться этих двух правил, то должны будем заключить, что в сновидении имеется указание на место пребывания Gradiv`ы, соответствующее действительности. Мы знаем сновидение Ганольда; можно ли применением к нему обоих правил найти в нем какой-нибудь разумный смысл?

Да. Этот смысл только особенным образом замаскирован, так что его нельзя тотчас же обнаружить. Ганольд узнает во сне, что та, которую он ищет, живет в одном городе и в одно время с ним. Это верно относительно Зои Бертганг; но только в сновидении фигурирует не немецкий университетский город, а Помпея, и время - не современность, а 79 год нашей эры. Это искажение посредством "смещения" (Verschiebung): не Gradiv`а перенесена в настоящее время, а Ганольд - в прошлое; но самое существенное и новое, а именно, - что Ганольд разделял с той, которую искал время и место жительства, тем не менее ска-

зано. Откуда же взялось это маскирование с целью ввести в заблуждение как нас, так и самого Ганольда, относительно настоящего смысла сновидения? Теперь мы уже имеем в руках средство, чтоб ответить удовлетворительно на этот вопрос.

Вспомним обо всем том, что мы слыхали по поводу природы и происхождения фантазии - этих предшественниц бреда. Мы уже знаем, что они являются заменой и следствием вытесненных воспоминаний, которым "сопротивление" не дает возможности дойти до сознания, но которые все же доходят до сознания, обходя, посредством видоизменений и искажений, цензуру сопротивления. После такого компромисса, эти запретные воспоминания превращаются в такие фантазии, которые неправильно понимаются сознательной личностью, т. е. понимаются ее в смысле господствующего в сознании психического течения. Теперь можно представить себе, что сновидения представляют собой, так сказать, физиологические бредовые образы, что они являются компромиссом борьбы между вытесненным и господствующим, борьбы, которая, вероятно, бывает в течение дня у всякого психически совершенно здорового человека. Тогда делается понятным, что на сновидение надо смотреть, как на нечто искаженное, за которым надо искать нечто другое, не искаженное, но в известном смысле предосудительное, подобно тому, как в фантазиях Ганольда нужно видеть вытесненные воспоминания. Сознавая эту противоположность, можно ее выразить таким образом: то, что спящий помнит при своем пробуждении, то есть то, что он видел во сне следует назвать *явным содержанием сновидения*, а то что составляет суть сновидения до искажения цензурой - *скрытыми мыслями сновидения*. Истолковать сновидение - значить заместить явное содержание сна скрытыми мыслями, составляющими его, устранить те искажения этих мыслей, кото-

рые сделаны цензурой под влиянием сопротивления. Если мы применим эти соображения к занимающему нас сновидению, то найдем, что скрытые мысли сна могли говорить только о следующем: обладающая красивой походкой девушка, которую ты ищешь, действительно, живет с тобой в одном городе. Но в такой форме мысль эта не могла стать сознательной; ей мешала фантазия, создавшаяся уже раньше вследствие компромисса, что Gradiva - помпеянка. Если при таких условиях истинный факт, что Норберт и Gradiva живут в одном месте и в одно время, должен был быть установлен, то ничего другого не оставалось, как допустить именно такое искажение: ты живешь в Помпее, в одно время с Gradiv`ой. Это и есть мысль, воплощенная явным содержанием сновидения, представленная им как переживание настоящего времени.

Сновидение редко бывает воплощением, так сказать, инсценировкой какой-нибудь одной мысли; гораздо чаще оно является изображением целого ряда мыслей, целого сплетения идей. В сновидении Ганольда можно указать еще на одну составную часть его содержания, искажение которой легко можно устранить, и узнать скрытую мысль, которую оно заместило в сознании. Это та часть сновидения, на которую также можно распространить чувство уверенности в реальности его, которым сопровождается сон. Во сне шагающая Gradiva превращается в каменное изваяние. Это - ничто иное, как остроумное и поэтическое изображение действительного хода вещей: Ганольд действительно перенес свой интерес с живой личности на каменное изваяние; возлюбленная превратилась для него в каменный барельеф. Скрытые мысли сновидений, которые должны остаться бессознательными, хотят снова обратить этот образ в живую; они говорят ему в связи с предыдущим приблизительно так: ты интересуешься только потому барельефом Gradiv`ы, что он напоминает тебе о действи-

тельной, здесь живущей Зое. Но если б он мог сознательно воспринять и понять это, то наступил бы конец бреду.

Лежит ли на нас обязанность заменить таким образом каждую отдельную часть явного содержания сновидения бессознательными мыслями? Строго говоря - да; при истолковании какого-нибудь действительно приснившегося сна, мы не могли бы снять с себя этой обязанности. Но тогда лицо, видевшее сон должно было бы самым подробным образом давать нам объяснения по поводу сна. Вполне понятно, что по отношению к образу, созданному поэтом, мы не можем выполнить этих требований; но не следует упускать из виду, что мы не подвергли еще толкованию главное содержание этого сна.

Сновидение Ганольда сопровождалось чувством страха. Содержание его способно внушить страх; и, действительно, Ганольд почувствовал страх и тоскливое чувство осталось у него после сна. А это совсем неудобно для нашей попытки дать толкование сновидению и мы снова вынуждены сделать большие заимствования из учения о “Traumdeutung”. Это последнее предупреждает нас, что не следует приписывать страх, испытываемый во сне, содержанию сновидения, что не надо смотреть на явное содержание сновидения, как на явление реальной жизни. Учение это обращает наше внимание на то, что иногда мы видим во сне ужаснейшие вещи, не испытывая при этом абсолютно никакого страха. В действительности положение вещей тут совсем иное; его не так-то легко разгадать, но можно, несомненно, доказать. Страх в страшном сновидении соответствует, как всякий нервный страх, сексуальному аффекту, любовному чувству и произошел он благодаря процессу вытеснения этого любовного чувства*.

* Сравн.: Sammlung kleiner Schriften zur Neurosenlehre u Traum. deutung. f. 344.

Итак, при толковании сновидений нужно заменить страх - сексуальным возбуждением. Такого происхождения страх имеет - не всегда, но часто - особое влияние на содержание сновидений, содействуя выбору и появлению в них таких представлений, которые вполне соответствуют аффекту страха, и, хоть и неправильно, объясняют сознанию этот аффект. Как уже было сказано, это ни в коем случае не обязательный закон, так как существует достаточное количество сновидений, сопровождаемых чувством страха, между тем в содержании их нет ничего страшного, и с другой стороны, встречаются сновидения, в которых ощущаемый страх нельзя сознательно объяснить себе.

Я знаю, что это объяснение страха, испытываемого во сне, звучит странно и легко внушает недоверие; но я могу только посоветовать освоиться с таким объяснением страха. Впрочем, было бы очень любопытно, если бы сновидение Норберта Ганольда подтвердило такой взгляд на страх и даже стало благодаря ему понятным. Мы бы сказали тогда, что в спящем зашевелилась ночью любовная тоска, что она послужила сильным толчком к тому, чтобы воспоминания о возлюбленной воскресли в его сознании и чтоб таким образом он был избавлен от бреда; но, что эта тоска и желания были опять отвергнуты, превратились поэтому в страх и со своей стороны, внесли в сновидение страшные картины из школьных воспоминаний. Таким образом, настоящее бессознательное содержание сна - любовная тоска по когда-то знакомой Зое - перевоплощается в явном содержании его в гибель Помпеи и потерю Gradiv`ы.

Я думаю, что до сих пор, все звучит как нечто очень возможное. Но если эротические желания составляют неискаженное содержание этого сновидения, то можно было бы с полным правом требовать, чтобы заметные остатки таких желаний удалось открыть хоть где-нибудь в скрытом виде в какой-нибудь части искаженного сновидения. Воз-

можно, что удастся и это при помощи указания из дальнейшего хода рассказа. При первой встрече с мнимойGradiv`ой, Ганольд вспоминает об этом сновидении и обращается к видению с просьбой снова лечь так, как он это раньше видел.* В ответ на это молодая девушка, оскорбленная, встает и оставляет своего странного собеседника, в бредовых речах которого она уловила неприличное эротическое желание. Мне кажется, что мы можем согласиться с тем, как поняла эту просьбу Gradiv`a; большей определенности в изображении эротических желаний не всегда можно требовать и от действительного сновидения.

Таким образом, применение некоторых правил "Traumdeutung" к первому сновидению Ганольда помогло нам понять этот сон в главных чертах и ввести его в общую связь со всем рассказом. Следует ли однако из этого, что сон этот создан писателем с соблюдением этих правил? Можно было бы только поставить еще вопрос - зачем писатель вообще вводит в рассказ сновидение, для дальнейшего развития бреда. Я думаю теперь что это очень умно придумано и опять таки вполне соответствует действительности. Мы уже слыхали, что в действительных случаях заболеваний появлению бреда часто предшествует сновидение, и после нашего разъяснения сущности сновидений, мы не должны находить в этом новой загадки. Сновидения и бреды происходят из одного и того же источника - от вытесненного; сновидение - это, так сказать, физиологический бред нормального человека. Прежде, чем вытесненное делается достаточно сильным для того, чтоб превратиться в бред в состоянии бодрствования, оно может успешно проявиться при более благоприятных условиях во

* Да, я не говорил с тобой. Я тебя только окликнул, когда ты ложилась на ступеньках храма и потом стоял возле тебя - твое лицо было так спокойно-прекрасно, словно из мрамора. Могу я тебя попросить - положи голову опять также, как ты это тогда сделала.

время сна в виде сновидения, оставляющего на долго сильное впечатление. Во время сна, с понижением душевной деятельности вообще, наступает также и уменьшение силы противодействия, которое оказывали вытесненному преобладающие в душе психические силы. Это уменьшение сопротивления и является условием, дающим возможность сновидению образоваться. Поэтому-то сновидение и есть для нас лучший путь для ознакомления с бессознательной душевной жизнью. Но обыкновенно, с восстановлением психического состояния бодрствования, сновидение улетучивается и завоеванное бессознательным место в сознании вновь освобождается.

III

В дальнейшем развитии рассказа находится еще одно сновидение, истолкование которого и введение в общую связь душевных переживаний Ганольда, кажется нам еще более заманчивым. Но мы мало выиграем, если, оставив в стороне описания писателя, поспешим взяться за это второе сновидение, так как тот, кто хочет истолковать чье-нибудь сновидение, должен постараться как можно подробнее познакомиться с внутренними и внешними переживаниями того, кому сон снился. Поэтому лучше всего было бы придерживаться и в дальнейшем нити рассказа и снабжать его нашими примечаниями.

Новая бредовая идея о смерти Gradiv`ы во время гибели Помпеи в 79 году - не единственное следствие влияния проанализированного нами первого сновидения. Непосредственно вслед за ним Ганольд решается на поездку в Италию, которая его приводит в Помпею. Но до этого с ним случается еще нечто другое. Выглядывая из окна, он заметил на улице фигуру, движениями и походкой как бы похожую на его Gradiv`у: он спешит за ней, несмотря на

свой неполный туалет, но не догоняет ее, так как шутки и насмешки прохожих заставляют его вернуться назад. Когда он возвращается в свою комнату, пение канарейки в клетке на окне противоположного дома вызывает в нем такое состояние духа, словно б и он рвался из тюрьмы на волю. И в результате - весенняя поездка так же скоро решена, как и приведена в исполнение.

Писатель особенно ярко осветил эту поездку Ганольда и дал ему самому отчасти возможность уяснить себе свои душевные переживания. Вполне понятно, что Ганольд выставил научный предлог для своей поездки; но предлог этот недостаточно удовлетворителен. Он, в сущности, знает, что побуждение к поездке исходило из какого-то необъяснимого чувства. Странное беспокойство вселяет в него недовольство всем тем, что он встречает, и гонит его из Рима в Неаполь, а оттуда в Помпею; и нигде, даже в этом последнем месте, он не может справиться со своим настроением. Глупость путешествующих новобрачных сердит его, он возмущается дерзостью мух, наполняющих гостиницы Помпеи. Но, в конце концов, он не обманывает себя в том, "что его недовольство происходит не только вследствие окружающей его обстановки, но имеет отчасти свои причины и в нем самом". Он считает себя взвинченным, чувствует, "что недоволен потому, что ему чего-то недостает и не может понять - чего именно. И это недовольство он всюду приносит с собою". В таком настроении он восстает и против своей владычицы - науки; когда в первый раз бродил он в жаркий полдень по Помпее "его не только покинула вся его ученость, но пропало даже всякое желание вновь обрести ее, и он вспомнил о ней, словно о чем-то далеком, как о старой, засохшей, скучной тетке, самом мертвом существе на свете".

Во время этого безотрадного и смутного состояния духа, Норберт Ганольд разрешает одну из загадок, связанных

с этой поездкой - когда впервые видит идущую по Помпее Gradiv`у. "Впервые достигает его сознания еще другая мысль: очевидно, сам не сознавая своего побуждения, он отправился в Италию, прямо в Помпею, не останавливаясь в Риме и Неаполе, именно затем, чтоб поискать здесь следов Gradiv`ы, следов в буквальном смысле слова, ибо при ее своеобразной походке, она должна была оставить в пепле особый, отличный от всех, отпечаток пальцев ноги".

Так как писатель употребил много старания на описание этой поездки, то стоит и нам не пожалеть труда, чтоб выяснить отношение этой поездки к бреду Ганольда и место ее в общем ходе событий. Поездка эта - предприятие, вытекающее из мотивов пока еще неизвестных Ганольду. Лишь позже сознается он в них самому себе. Мотивы эти писатель прямо называет "бессознательными". Это, безусловно, схвачено из жизни; не нужно вовсе быть в состоянии бреда, чтоб так поступать. Это явление обычно даже у здоровых: когда благодаря конфликту между несколькими течениями чувств создаются условия для такой спутанности, люди обманываются относительно истинных мотивов своих поступков и только впоследствии сознают их. Итак, поездка Ганольда с самого начала имела целью служить бреду и должна была привести его в Помпею, для дальнейших поисков там Gradiv`ы. Мы припоминаем, что до сновидения и непосредственно после него, Ганольд был совершенно поглощен этими поисками и что само сновидение было лишь ответом, заглушенным его сознанием, на вопрос о местопребывании Gradiv`ы. Какая то сила, которой мы не знаем, не дает проникнуть в сознание этому болезненному намерению, поэтому сознание мотивирует поездку недостаточными и все новыми предлогами. Другую загадку задает нам поэт, рассказывая, как о случайностях, без всякой внутренней связи, о сновидении, открытии

мнимой Gradiv`ы на улице и решении совершить поездку, - решении, принятом под влиянием пения канарейки.

При помощи разъяснений, которые мы находим позже в речах Зои Бертганг, эта неясная часть рассказа становится нам понятной. Ганольд в самом деле видел из окна оригинал Gradiv`ы, - Зою Бертганг, которая ходила по улице и которую он легко мог бы догнать. Сообщение сновидения: она живет в настоящее время, в одном городе с тобой - получило бы неопровержимое подтверждение, благодаря счастливой случайности и, перед таким подтверждением, рушилось бы внутреннее сопротивление Ганольда. Канарейка же, пение которой увлекло Ганольда в даль, принадлежала Зое, и клетка птицы стояла на окне девушки, против дома Ганольда. У Ганольда, который, как видно из жалобы девушки, обладал даром “отрицательных галлюцинаций”, т. е. искусством не видеть и не замечать присутствующих лиц, вероятно, было с самого начала бессознательное знание того, что мы узнаем из рассказа Зои лишь позже. Признаки близости Зои, ее появление на улице и пение ее птицы так близко от его окна усиливают действие сновидения и в этом, столь опасном для его сопротивления эротике состоянии, он обращается в бегство. Поездка является следствием усиления сопротивления после порыва любовного томления во сне, бегством от живой и присутствующей возлюбленной. Практически, она означает победу вытеснения, которое в этот раз одержало верх в виде бреда, между тем, как при другом поступке - наблюдении над походкой девушек и женщин - победило эротическое чувство. Но всюду в этом колебании, в этой душевной борьбе сохранена компромиссная природа результатов этой борьбы; поездка в Помпею, имевшая целью отдалить Ганольда от Зои, приводит его, по крайней мере, к замене ее - к Gradiv`е. Поездка, предпринятая наперекор скрытым мыслям сновидения, совершается по указанию явного со-

держания его - в Помпею. Так снова побеждает бред, всякий раз, когда эротика борется с противодействием. Только эта точка зрения на поездку Ганольда, как на бегство перед проснувшимся в нем любовным томлением по близкой ему возлюбленной, гармонирует с состоянием его духа во время пребывания его в Италии. Под влиянием отрицания эротики является у него отвращение к путешествующим новобрачным. Небольшое сновидение в Albergo в Риме, поводом для которого послужило соседство одной немецкой влюбленной парочки, "Августа и Греты", вечерний разговор которых ему пришлось услышать сквозь тонкий простенок, бросает дополнительный свет на эротическую тенденцию его первого большого сновидения. Новое сновидение снова переносит его в Помпею, где как раз снова происходит извержение Везувия и таким образом создается связь с сновидением, влияние которого не прошло и во время путешествия. Но между лицами, подвергающимися опасности рисует он не себя и Gradiv`у, а Аполлона бельведерского и капитолийскую Венеру, как бы для иронического возвеличения пары находящейся по соседству. Аполлон поднимает на руки Венеру, уносит ее и укладывает на что-то, стоящее в темноте, что кажется повозкой или колесницей, так как оттуда раздается "грохочущий звук". Это сновидение, для своего объяснения, не нуждается в особенном искусстве.

Наш писатель, которому мы доверяем в том, что он не ввел бесцельно и ненамеренно ни одной черты в свое описание, дал нам еще одно проявление охвативших Ганольда во время путешествия враждебных сексуальности чувств. Во время его долгих скитаний по Помпее, "странно было, что ему ни разу не вспомнился его недавний сон о том, как он присутствовал в 79 году при разрушении Помпеи извержением Везувия". Только при виде Gradiv`ы он сразу вспоминает сновидение и ему делается ясным бредовый

мотив его загадочного путешествия. Это забвение сновидения, эта преграда, созданная вытеснением, между сновидением и душевным состоянием во время всей поездки, показывает, что поездка вызвана не сновидением, а возмущением против него, влиянием душевной силы, не желающей ничего знать о таинственном смысле сновидения.

Но, с другой стороны, Ганольд не радуется этой победе над своей эротикой. Подавленное душевное движение остается достаточно сильным, чтоб отомстить за себя плохим самочувствием и внутренним стеснением. Его тоска перешла в беспокойство и неудовлетворенность, из-за которых путешествие кажется ему бессмысленным; он не может понять цели путешествия, предпринятого под влиянием бреда; испорчены его отношения к науке, которая должна была бы возбудить в этом месте его интерес. Так рисует нам писатель своего героя, после его бегства от любви: в состоянии какого-то кризиса, в совершенно спутанном и рассеянном состоянии, в душевном расстройстве, какое бывает в момент высшего развития болезненного смятения души, когда ни одна из обеих борющихся между собой душевных сил не настолько сильнее другой, чтобы разница между ними могла послужить основанием для стойкого душевного режима. Здесь приходит на помощь писатель, выводя в этом месте на сцену Gradiv`y, которая и принимается за излечение героя от бреда. Пользуясь своим могуществом направлять к добру судьбы созданных им людей, вопреки даже той силе необходимости, которой он заставляет их подчиняться, писатель переносит девушку, от которой Ганольд убежал в Помпею, как раз туда же - и таким образом исправляет глупость, совершенную молодым человеком под влиянием бреда - т. е. отъезд его из места жительства живой девушки к гробнице той, которая заменила ее в его фантазии.

С появлением Зои Бертганг в виде Gradiv`ы - момент высшего напряжения в рассказе - сразу совершается поворот и в нашем интересе к нему. Если до сих пор мы присутствовали при развитии бреда, то теперь мы должны стать свидетелями его излечения. И мы можем спросить себя - сочинил ли писатель ход этого выздоровления или же создал его, применяясь к действительной, существующей возможности такого излечения? На основании собственных слов Зои в ее разговоре с подругой, мы имеем право приписать ей подобного рода "врачебные" намерения. Как же она принимается за это? Подавивши раздражение, вызванное предложением Ганольда улечься, как "тогда", ко сну, она приходит в полдень следующего дня на тоже место и выпытывает у Ганольда неизвестную ей тайну, которая недоставала ей для понимания его поведения в предыдущий день. Она узнает о его сновидении, о барельефе Gradiv`ы, об особенности изображенной на нем походки, которой и она сама обладает. Она входит в роль оживающего на короткий час призрака, роль которую, как она заметила, он ей в бреду своем приписал; она указывает ему осторожно двусмысленными фразами новое положение, принимая от него могильный цветок, принесенный им без сознательного намерения, и высказывая сожаление о том, что он не дал ей роз.

Наш интерес к поведению рассудительной и умной девушки, которая решила завоевать себе в возлюбленном юноше мужа, понимая, что его любовь к ней породила его бред, уступает здесь место удивлению, которое этот бред в нас вызывает. Его последний образ: засыпанная в 79 году Gradiv`a, которая теперь, в виде призрака, ведет долгие беседы, после которых она проваливается или же возвращается обратно в свою могилу, этот бред, который не смущается ни видом современной обуви Gradiv`ы, ни ее незнанием древних языков, ни разговором на несуществовавшем

тогда немецком языке, кажется, оправдывает вполне заглавие, данное рассказу писателем - "Помпеянская фантазия", и исключает всякое сравнение с клинической действительностью. Но все же, кажется мне, при более близком рассмотрении рассеивается невероятность большей части этого бреда, так как часть вины взял на себя поэт в виде предположения, что внешность Зои имеет полное сходство с барельефом. Поэтому надо остерегаться перенесения невероятности с этого странного предположения на его следствие - то есть на то, что Ганольд считает девушку ожившей Gradiv`ой. Бредовое объяснение становится еще вероятнее от того, что сам поэт нам не дал другого, более разумного. В солнечном зное Кампании и в одуряющих чарах вина из виноградников, растущих по склонам Везувия, писатель далее указал смягчающие и благоприятствующие обстоятельства для поведения своего героя. Но самым главным из всех объясняющих и извиняющих моментов является легкость, с которой наше мышление воспринимает абсурдное содержание, когда связанные с сильными чувствами побуждения получают при этом удовлетворение. Приходится удивляться поразительному явлению, очень часто не находящему должной оценки, что даже высоко интеллигентные лица легко и часто проявляют в подобном положении реакцию частичного слабоумия. Кто не очень самоуверен, вероятно, часто наблюдал это явление на самом себе, особенно в тех случаях, когда часть мыслительных процессов, о которых идет речь, относится к вытесненным или бессознательным мотивам. Здесь охотно привожу слова одного философа, который пишет мне: "Я тоже начал записывать пережитые мною случаи поразительных ошибок, бессмысленных поступков, для которых впоследствии старался придумать объяснения (часто очень бессмысленные). Просто страшно, - но типично, - сколько при этом обнаруживается глупости". И к этому надо еще прибавить, что

вера в духов, в привидения и в возвращение на землю души, вера, находящая опору в религии, влиянию которой мы все, по крайней мере в детстве, подчинены, исчезла далеко не у всех образованных людей и что многие, в общем, не глупые люди находят занятие спиритизмом вполне совместимым со здравым разумом. Даже трезвый неверующий может со стыдом заметить, как легко пробуждается в нем на миг вера в духов под влиянием сильной усталости, истощения и беспомощности. Мне известен случай про одного врача, у которого умерла от базедовой болезни пациентка, и который не мог отделаться от легкого подозрения, что, быть может, неосторожным лечением, он ускорил роковую развязку. Однажды, несколько лет спустя после ее смерти, в кабинет его вошла молодая девушка, в которой он, против воли, не мог не узнать умершую. Ему навязалась мысль: значит правда, что мертвые могут воскреснуть; и только тогда ужас уступил место стыду, когда посетительница, болевшая той же базедовой болезнью, назвала себя сестрой умершей. Базедова болезнь сообщает больным большое сходство в чертах лица; в данном случае, типичное сходство из-за болезни увеличено было еще семейным. Врач, с которым все это случилось - был я сам и потому я не склонен оспаривать клинической возможности бреда Норберта Ганольда о возвратившейся к жизни Gradiv`e. Каждому психиатру, наконец, известно, что в серьезных случаях хронического бредового помешательства (paranoia) больными выдумываются в высшей степени остроумные, запутанные и хорошо обоснованные абсурды.

После первой встречи с Gradiv`ой, Норберт Ганольд идет в обеденное время попить вино сначала в один известный ему в Помпее ресторан, а потом и в другой. “Само собой разумеется, что ему и в голову не приходило бессмысленное предположение”, что он поступает так, чтоб узнать, в какой гостинице живет и обедает Gradiv`a. Но

трудно сказать, какой иной смысл мог бы иметь этот его поступок. В день после второго свидания в доме Мелеагра ему приходится пережить различные удивительные и, казалось бы, совершенно независимые друг от друга события: он находит узкую щель в стене портика, в том месте, где исчезла Gradiva; встречает глупого охотника за ящерицами, который обращается к нему, как к знакомому; открывает третью, расположенную особняком, гостиницу - "Albergo del Sole", владелец которой навязывает ему позеленевшую пряжку, выдавая ее за находку, сделанную подле отрытой девушки; и, наконец, в своей гостинице, обращает внимание на молодую новоприбывшую пару, которую принимает за брата и сестру и которая вызывает его симпатию. Все эти впечатления сплетаются позже в "удивительно бессмысленное" сновидение, следующего содержания:

"Где то на солнцепеке сидела Gradiv`a, сделала из травы силок, чтоб поймать ящерицу, и говорит: пожалуйста, не шевелись; коллега права, средство, действительно, хорошо, она уже применяла его с полным успехом".

Еще во сне, он критически относится к этому сновидению видя в нем "полное сумасшествие" и беспокойно мечется, чтоб отвязаться от него. Это удается ему с помощью невидимой птицы, которая издает короткий, похожий на смех, крик и уносит ящерицу в своем клюве.

Стоит ли пробовать истолковать и это сновидение, т. е. заменить его теми скрытыми мыслями, от искажения которых оно, должно быть, произошло? Оно так бессмысленно, как может быть только сновидение и этой то обсурдностью сновидений и обосновывается главным образом взгляд, отрицающий за сновидениями значение ценного психического акта и считающий их следствием беспорядочного возбуждения психических элементов. К этому сновидению мы можем применить тот технический прием, который

можно считать правильным для толкования сновидений. Он состоит в том, чтобы, пренебрегая кажущейся связью между отдельными частями явного содержания сновидения, рассмотреть каждую часть его в отдельности и отыскать ее происхождение во впечатлениях, воспоминаниях и разных, как бы случайно приходящих в голову, мыслях того лица, которому данный сон приснился. Но, так как опросить Ганольда мы не можем, то нам придется довольствоваться указаниями на рассказанные поэтом впечатления его и вместо свободно приходящих ему в голову мыслей мы осмелимся осторожно подставить наши собственные соображения.

“Где то на солнцепеке сидит Gradiva, сделала из травы силок, чтоб поймать ящерицу и говорит” - какое дневное впечатление напоминает эта часть сновидения? Без сомнения - встречу с пожилым господином, охотником за ящерицами, который в сновидении заменен Gradiv`ой. Он лежал или сидел на ярко освещенном солнцем склоне и тоже заговорил с Ганольдом. И слова Gradiv`ы в сновидении воспроизводят речи этого господина. Стоит сравнить: “указанное коллегой Эймером средство, действительно, хорошо; я уж много раз применял его с хорошим успехом. Пожалуйста, не шевелитесь”. То же самое говорит и Gradiva в сновидении, только “коллега Эймер” заменен здесь неизвестной “коллегой”; также и слова “много раз” выпущены из речи зоолога в сновидении и порядок слов в предложении несколько изменен. Таким образом кажется, что это переживание дня превращено в сновидение посредством изменений и искажений. Почему же изменено именно это впечатление и что означает это искажение, эта замена старого господина Gradiv`ой и появление загадочной “коллеги”?

Существует при толковании слов одно правило, гласящее: всякая услышанная во сне речь происходит от слы-

шанной спящим во время бодрствования речи или же им самим произнесенной. Это правило здесь подтверждается; речь Gradiv`ы представляет только слегка измененную речь зоолога, слышанную в течение дня. Другое правило при толковании слов гласит: замена одного лица другим, или же смесь двух лиц во сне, причем одно лицо изображено в состоянии, характеризующем другое, обозначает, что оба эти лица, в известном смысле, равны, указывает на их сходство между обоими. Если мы попробуем приложить и это правило к нашему сновидению, то получим такое толкование: Gradiva ловит ящериц, как старик, она умеет их ловить так же, как и он. Сам по себе этот вывод еще не понятен, но перед нами стоит еще и другая загадка. К какому впечатлению дня должны мы отнести слово "коллега", заменяющее в сновидении знаменитого зоолога Эймера? Здесь, к счастью, у нас нет слишком большого выбора; только другая молодая девушка может быть этой коллегой - то есть та симпатичная молодая особа, которую Ганольд принимает за путешествующую со своим братом сестру. "К ее платью была прикреплена красная соррентская роза, вид которой разбудил в глядящем из своего угла Ганольде смутные воспоминания о чем то, чего никак не мог припомнить". Это замечание писателя дает нам право считать эту молодую особу "коллегой" сновидения. То, чего никак не мог припомнить Ганольд, были, без сомнения, сказанные мнимой Gradiv`ой слова, в то время как она попросила у него белый могильный цветок: более счастливым девушкам весной дарят розы. Но в этих речах скрывается ухаживание. Что же это за ловля ящериц, которая так хорошо удалась более счастливой "коллеге"?

На следующий день Ганольд застает мнимых брата и сестру в нежных объятиях и убеждается в своей вчерашней ошибке. Действительно, они оказались молодыми супругами, совершающими свадебное путешествие, как мы это

узнаем позже, когда они, так некстати, прерывают третье свидание Ганольда с Зоей. Если мы допустим, что Ганольд, сознательно считая эту пару братом и сестрой, бессознательно тотчас же понял их действительное взаимоотношение, ставшее так очевидным на следующий день, то смысл речи Gradiv`ы в сновидении получается вполне определенный. Красная роза становится символом любовных отношений; Ганольд понимает, что те двое уже представляют из себя то, чем ему и Gradiv`е предстоит только сделаться; охота за ящерицами принимает значение охоты за мужем и слова Gradiv`ы означают приблизительно: предоставь мне только действовать; я так же хорошо сумею словить себе мужа, как и та другая девушка.

Почему же это понимание намерений Зои проявляется в сновидении в форме речи старого профессора? Почему ловкость и умениё Зои словить себе мужа изображены в виде ловли ящериц, практикуемой старым господином? Теперь нам легко ответить на этот вопрос; мы уж давно разгадали, что охотник за ящерицами - никто иной, как профессор зоологии Бертганг, отец Зои, которому, конечно, знаком был Ганольд: поэтому и вполне понятно, что он заговорил с Ганольдом, как со знакомым. Допустим опять, что бессознательно Ганольд тотчас же узнал и его - "ему смутно помнилось, что этого охотника за ящерицами он уже видел однажды, вероятно в одном из отелей" - и тогда объясняется странная форма, в которую облекся замысел Зои. Она дочь охотника за ящерицами, у нее эта ловкость унаследована от него.

Таким образом замена сновидений охотника за ящерицами Gradiv`ой является изображением сознанных в бессознательном взаимоотношении между этими двумя лицами. Введение загадочной коллеги вместо "коллеги Эймера" дает возможность выразить в сновидении понимание желания Зои найти мужа.

Таким образом, сновидение сплело, “сгустило” как, мы говорим, два переживания того дня в одно положение, чтобы выразить, правда туманно, две мысли которые должны были остаться в сфере бессознательного. Но мы можем пойти еще дальше, еще уменьшить странность сновидения и указать влияние других дневных переживаний на образование его явного содержания.

Мы имели бы основание выразить неудовольствие по поводу того объяснения, которое до сих пор получили: почему именно ловля ящериц, а не что либо иное сделано центром сновидения? Мы могли бы предположить, что еще и другие элементы “мыслей сновидения”, способствовали тому, чтоб “ящерица” особенно выделилась в “явном сновидении”. Это, действительно, легко могло быть так. Вспомним, что Ганольд нашел в стене, как раз в том месте, где, как ему казалось, исчезла Gradiv`a, узкую щель, достаточную для того, чтоб через нее могла проскользнуть очень тонкая фигура. Благодаря этому новому открытию он принужден был в этот день сделать некоторое изменение в построении своего бреда - именно, что Gradiv`a, исчезая от его глаз, не проваливается в землю, а по этой дороге направляется к своей могиле. В своих бессознательных мыслях он, пожалуй, мог себе сказать, что теперь нашел естественное объяснение удивительному исчезновению девушки. Но не может ли способность пролезть и исчезнуть сквозь такую узкую щель напомнить о приемах ящерицы? Не ведет ли себя при этом Gradiv`a, как ловкая ящерица? Таким образом, думается нам, открытие этой щели в стене также имело влияние на выбор элемента “ящерица” в явном содержании сновидения и положение ящерицы в сновидении отражает это впечатление дня также, как и встречу с зоологом, отцом Зои.

А если мы теперь, набравшись храбрости, попробуем найти в сновидении отражение еще одного, не рассмот-

ренного нами, дневного переживания - обнаружения Ганольдом третьей, ему неизвестной гостиницы "Albergo del Sole"? Писатель так подробно описал этот эпизод и столько связал с ним, что удивительно было бы, если б именно он не участвовал в образовании сновидения. Ганольд входит в эту неизвестную ему, благодаря отдаленности от вокзала и изолированности, гостиницу для того, чтоб спросить себе бутылку сельтерской воды против прилива крови к голове. Хозяин пользуется случаем, расхваливает ему имеющиеся у него древности и показывает ему пряжку, принадлежавшую, по его словам, той молодой помпеянской девушке, которую отрыли вблизи Форума в объятиях ее возлюбленного. Ганольд, до сих пор недоверчиво относившийся к часто слышанному рассказу, теперь, под влиянием какой то неизвестной ему силы, начинает верить в правдивость этой трогательной истории и в подлинность этой находки, приобретает пряжку и покидает гостиницу, унося свою покупку. Уходя, он замечает на одном из окон гостиницы свешивающуюся из стакана, усеянную белыми цветами ветку асфодели, вид которой кажется ему подтверждением подлинности его нового приобретения. И теперь им овладевает уверенность, что зеленая пряжка принадлежала Gradiv`e и что она и есть та девушка, которая умерла в объятиях своего возлюбленного. Мучительную ревность, охватившую его при этом, он успокаивает решением показать на следующий день эту пряжку Gradiv`e - чтоб убедиться, верно ли это. Это ведь поистине странная часть бредового новообразования и неужели же в сновидении ближайшей ночи нет даже следа его влияния?

Стоит потрудиться, чтоб разобрать происхождение этого бредового образования и найти новую часть бессознательного прозрения, которое заменено было в сознании этим бредовым образованием. Бред этот зарождается благодаря влиянию хозяина гостиницы "Солнца", по отноше-

нию к которому Ганольд выказывает себя столь легковерным, словно он находился под влиянием внушения со стороны этого человека. Хозяин показывает ему металлическую пряжку, якобы принадлежавшую молодой девушке, найденной под пеплом в объятиях ее возлюбленного; и Ганольд, который мог бы отнестись критически как к правдоподобности самого рассказа, так и к подлинности пряжки, тотчас же верит и приобретает более чем сомнительную античную вещицу. Его поступок совершенно непонятен и нет никаких указаний, что личность самого хозяина могла бы объяснить нам эту загадку. Но в этом приключении встречается еще одна загадка, а две загадки часто разрешают одна другую. Уходя из “Albergo del Sole”, Ганольд замечает на одном из окон в стакане ветку асфодели и находит в этом как бы подтверждение античной подлинности металлической пряжки. Как это могло быть? Это, к счастью, легко разрешимо. Белый цветок - конечно тот самый, который он подарил в полдень Gradiv`e - замеченный Ганольдом на одном из окон гостиницы, является для него вполне правильно подтверждением чего-то. Но, конечно, не подтверждением подлинности пряжки, а чего то другого, что делается ему ясным с момента обнаружения этой, неизвестной ему до того, гостиницы. Уже накануне он вел себя так, как если бы искал в обеих гостиницах Помпеи место жительство лица, появляющегося ему в образе Gradiv`ы. И когда теперь, совершенно неожиданно, натолкнулся он на третью гостиницу, в бессознательных мыслях его должно было появиться: “итак здесь живет она”; и, уходя, он должен был сказать себе: - “совершенно верно; вот и цветок, который я дал ей; это, значит, ее окно”. Это было то новое прозрение, которое заменено новым бредовым образованием; оно не может дойти до сознания, так как необходимое для того условие - мысль, что

Gradiv`a живая и знакомая Ганольду особа, не может стать сознательной.

Каким же образом могло это новое прозрение быть заменено в сознании бредом? Мне представляется это таким образом: чувство убежденности, связанное с прозрением, укрепилось и сохранилось, в то время, как мысль неспособная дойти до сознания, была заменена другим, ассоциативно связанным с нею, представлением. Таким образом, чувство убежденности соединяется с совершенно чуждым ему содержанием и это последнее, в бредовой форме, получает совсем не подобающее ему значение и вес. Ганольд переносит свое убеждение в том, что Gradiv`a живет в доме на другие впечатления, полученные им в этом же доме; он верит, благодаря этому, словам хозяина гостиницы, анекдотическому рассказу об объятиях вырытой влюбленной парочки и в подлинность пряжки. Но все это случается только благодаря тому, что все, в этом доме слышанное, он приводит в связь с Gradiv`ой. Дремавшая в нем ревность просыпается, овладевает всеми этими впечатлениями, и, вопреки даже содержанию его первого сновидения, образует новый бред: Gradiv`a и есть та, умершая в объятиях любовника, девушка и ей принадлежала эта, купленная им, металлическая пряжка.

Мы должны обратить внимание на то, что разговор с Gradiv`ой и ее слабая попытка увлечь Ганольда, выразившаяся в разговоре о цветах, повели уже к важным переменам в Ганольде. В нем разбужены желания мужчины, компоненты любовной страсти, которые, правда, не могут еще проявиться, не прикрываясь сознательными разумными предлогами. Но проблема о “физических свойствах” Gradiv`ы, преследующая Ганольда целый день, явно имеет своим источником эротический интерес юноши к женскому телу, хотя сознательным подчеркиванием странного

витания Gradiv`ы между жизнью и смертью он старается поднять эту проблему до степени научного вопроса.

Ревность есть дальнейшее доказательство пробуждающейся любовной активности Ганольда; он проявляет ее в начале разговора следующего дня и, при помощи нового предлога, ему удается прикоснуться к девушке и ударить ее, как это бывало в давно прошедшее время.

Теперь можно спросить себя: известен ли и вообще возможен ли такой, предполагаемый нами на основании описания писателя, способ образования бреда? Наши медицинские познания и опыты говорят за то, что это, безусловно, правильный, возможно, даже единственный способ, благодаря которому бредовая идея становится тем непоколебимым убеждением, которым она клинически характеризуется. Если больной так глубоко верит в свой бред, то это происходит не из-за извращения его способности суждения, и относится эта уверенность вовсе не к тому, что составляет его бредовое заблуждение. Во всяком бреде кроется частица правды, кое-что заключается в нем, что действительно, заслуживает веру, и оно то и есть источник, до известной степени, справедливой убежденности больного в верности его бредовых идей. Но эта правда была долгое время вытеснена; когда ей, наконец, удается дойти до сознания в искаженном уже виде, то как бы в вознаграждение, сопровождающее ее чувство убеждения особенно сильно. Это чувство, сопровождая то, что, в искаженной форме, замещает в сознании правду, служит для него защитой против всякого критического возражения. Чувство убежденности "смещается" с бессознательной правды на связанное с ним сознательное заблуждение и фиксируется на последнем, благодаря этому именно "смещению". Бредовое образование, которое последовало за первым сновидением Ганольда, есть ничто иное, как подобный же, или даже тождественный пример такого "смещения". Описан-

ный способ образования убеждения при бреде не отличается радикально от того, как образуются убеждения в нормальном случае, где не играет роли вытеснение. У нас всех чувство убежденности сопровождает такие суждения, в которых истина перемешана с заблуждением, и мы даем этому чувству убежденности перейти с первой на второе. Оно, это чувство убежденности, как бы просасывается с верного на связанное с ним ассоциативно ложное и служит последнему защитой, - правда не столь непоколебимой, как при бредовых явлениях, - против заслуженной критики.

Теперь я хочу вернуться к сновидению и отметить в нем небольшую, но интересную черту, которая служит связью между двумя событиями, послужившими поводом к этому сну. Gradiv`a отметила известную противоположность между белым цветом асфодели и красной розой; обнаружение этой асфодели на окне “Albergo del Sole” является важным подтверждением бессознательных мыслей Ганольда и это выражается в новой части бреда; к этому присоединяется еще то, что красная роза на платье молодой симпатичной девушки помогает Ганольду в бессознательном определить правильно ее отношение к ее спутнику и благодаря этому она может выступить в сновидении Ганольда в роли “коллеги”.

Но в какой же части явного содержания сновидения кроется указание на новое открытие Ганольда, замененное новым бредовым образованием, - открытие, что Gradiv`a с отцом живут в третьей, отдаленной гостинице Помпеи - “Albergo del Sole”? Это указание имеется в сновидении и даже не в очень измененном и скрытом виде; только я не решаюсь указать на него, так как знаю, что это толкование мое вызовет возражения даже со стороны наиболее терпеливых из моих читателей. Открытие Ганольда, повторяю я, имеется в явном содержании сновидения, вполне в нем

выражено, но так ловко скрыто, что его непременно проглядишь. Оно отмечено игрой слов, двусмысленностью их толкования. "Где-то на солнцепеке сидит Gradiv`a" * - это выражение мы вполне основательно отнесли к месту, на котором Ганольд встретил ее отца зоолога. Но не должно ли это также означать: в "Солнце", т. е. в "Albergo del Sole", в гостинице "Солнце" живет Gradiv`a? И не звучит ли это "где-то", неимеющее отношения к встрече с отцом, как раз потому так притворно неопределенно, что оно содержит определенное указание на местопребывание Gradiv`ы? На основании моего прежнего опыта в толковании действительных сновидений, я уверен в правильности такого понимания символических образований. Но все же я не осмелился бы изложить моим читателям эту часть моих толкований, если бы сам писатель не пришел мне в этом на помощь. На следующий день, когда Ганольд показывает Gradiv`e пряжку, писатель вкладывает в уста девушки ту же самую игру слов, которой мы пользуемся для толкования этой части сновидения. "Не нашел ли ты ее на "Солнце", оно производит многое в этом роде". И так как Ганольд не понимает ее, то она объясняет ему, что думает "гостиницу Солнца", которую здесь называют просто "Sole"; оттуда ей знакома и эта, якобы выкопанная, вещь.

А теперь мы могли бы рискнуть заменить "удивительное бессмысленное" сновидение Ганольда скрытыми в нем и совершенно на него непохожими бессознательными мыслями его, приблизительно в таком роде: "Ведь она живет со своим отцом в гостинице "Солнца" - для чего же ведет она со мной такую игру? Насмехается ли она надо мной или же возможно, что она меня любит и хочет за меня выйти замуж?" - На эту последнюю возможность получается еще во сне отрицательный ответ - "ведь

* В немецком тексте выражение "in der Sonne" можно понимать двусмысленно: "на солнцепеке" и в "Солнце", в гостинице "Солнце".

это чистейшее сумасшествие", - который будто бы, относится ко всему явному содержанию сновидения.

Критически настроенные читатели имеют право осведомиться, на каком основании сделано совершенно недоказанное прибавление, заключающееся в предположении, что Gradiv`a высмеивает Ганольда. По этому поводу "Traumdeutung" говорит: если в мыслях сновидения заключаются насмешка, издевательство, злое противоречие, то они выражаются в абсурдности и бессмысленности формы явного сновидения. Последняя означает не ослабление психической деятельности, а служит одним из средств изображения, которыми пользуется "работа сновидения" *. Здесь, как и во всех очень трудных местах, писатель приходит к нам на помощь. Бессмысленное сновидение имеет короткое послесловие, заключающееся в том, что какая-то птица издает похожий на смех крик и уносит ящерицу в своем клюве. Такой же, похожий на смех, крик слышал уже Ганольд вслед за исчезновением Gradiv`ы. Его в самом деле издала Зоя, которая с этим смехом сбрасывала с себя мрачную серьезность роли загробного существа. Gradiv`a в самом деле высмеяла нашего героя. А картина сновидения, изображающая, как птица уносит ящерицу, может напомнить о другом, прежнем сновидении, во время которого Аполлон бельведерский унес капитолийскую Венеру.

Может быть, у некоторых читателей осталось впечатление, что объяснение картины ловли ящериц мыслью об ухаживании недостаточно обосновано. Пусть, в таком случае, подтверждением этому послужит указание, что, в своем разговоре с подругой, Зоя сама сознается в том, в чем бессознательно подозревает ее Ганольд. Она говорит, что она была убеждена, что "откопает" себе в Помпее что-

---

* Т. е. та психическая работа во время сна, результатом которой является сновидение.

нибудь интересное. Этим она заходит в область археологических представлений, так же как и Ганольд, сравнением с ловлей ящериц, переходит в область зоологии. Словно они оба стремятся друг другу навстречу, и каждый из них хочет присвоить себе особенности и черты другого.

Таким образом, мы закончили толкование и этого второго сновидения. Оба сделались доступными нашему пониманию благодаря положению, что спящий, в своем бессознательном мышлении, знал все, что в сознательном он позабыл, верно судил в первом о том, что во втором он, в безумии своем, не сознавал.

При этом нам пришлось, правда, высказывать некоторые положения, которые, будучи чуждым читателю, звучали для него странно и, возможно, вызывали часто подозрения, что мы выдавали за мысли писателя то, что было нашими собственными мыслями. Мы готовы сделать все, чтобы рассеять это подозрение и поэтому подробнее рассмотрим одно из наиболее рискованных мест, например толкование двусмысленных речей и слов: “где-то на солнцепеке сидит Gradiv`a”.

Каждый читатель “Gradiv`ы” легко может заметить, как часто писатель вкладывает в уста главных своих героев речи, допускающие двоякого рода толкования. Свои речи Ганольд произносит в прямом смысле и только на собеседницу его, Gradiv`у, они производят впечатление иносказательных. Так, напр., когда, после первого ответа, он восклицает: “я знал, что так звучит твой голос”, неосведомленная еще Зоя вынуждена спросить его, каким образом это возможно, - он, ведь, не слыхал еще ее голоса. При втором их разговоре девушка на минуту сбита с толку бредом Ганольда, так как он утверждает, что тотчас узнал ее. Она, должно быть, понимает эти слова в том смысле, в каком они и были правильны в его бессознательном - как подтверждение их знакомства еще с детства; а между тем

Ганольд, разумеется, не знает совершенно этого значения своих слов и объясняет их только в связи со своим бредом. Речи же молодой девушки, в лице которой разум и духовная ясность противопоставлены бреду, произносятся намеренно так, чтоб звучали двусмысленно. Один смысл их приноровлен к бреду Ганольда, для того, чтобы они могли проникнуть в сознательные его мысли, другой поднимается над бредом и, обыкновенно вполне правильно, объясняет замещенную бредом бессознательную правду. И это изображение в одних и тех же выражениях и правды и бреда чрезвычайно остроумно.

Полной такого двоякого смысла является и речь Зои, в которой она излагает подруге своей положение дел и в тоже время избавляется от ее общества; речь эта, собственно говоря, произносится скорее для читателей, чем для счастливой подруги. В разговорах с Ганольдом двойной смысл речей обуславливается тем, что Зоя употребляет те же символы, какие мы находим в первом сновидении Ганольда: она сравнивает вытеснение с погребением, Помпею с детством. Благодаря этому, она остается в своих речах, с одной стороны, верной той роли, которую ей приписывает бред Ганольда; с другой же стороны, касается в них действительных обстоятельств и будит в бессознательном Ганольда понимание этих обстоятельств.

“Я уже давно привыкла к мысли, что я мертва” - “Из твоих рук - цветок забвения самый для меня подходящий”. В этих речах тихо звучит упрек, ясно выраженный в ее последней отповеди, в которой она сравнивает Ганольда с археоптериксом. “Нужно сначала умереть для того, чтобы потом ожить снова. Но для археологов это необходимо” - говорит она предательски после разрешения бреда, как бы для того, чтобы дать ключ к своим двусмысленным речам. Но лучше всего удается ей применение ее символики в вопросе: “Мне кажется, будто уже две тысячи лет назад мы

так вместе завтракали. Не можешь ли ты припомнить этого?" В вопросе совершенно ясны замена исторического прошлого детством и стремлением разбудить воспоминания о последнем.

Но откуда происходит это удивительное предпочтение двусмысленных речей в "Gradiv`e". Нам это кажется не случайностью, а необходимым следствием, вытекающим из предпосылок, на которых построен рассказ. Это ничто иное, как параллель к двоякой детерминации симптомов - поскольку сами речи являются симптомами, происходящими из компромиссов между сознательным и бессознательным. В речах легче, чем в поступках уловить это двоякое происхождение. И если удается - что часто бывает легко благодаря гибкости материала речи - дать в тех же словах хорошее выражение двоякому намерению этой речи, то получается так называемая "двусмысленность".

Во время психотерапевтического лечения какого-либо бреда или же аналогичного заболевания у больного часто развивается способность прибегать к таким двусмысленным речам, являющимся как бы скоро преходящими симптомами. Иногда приходится и врачу пользоваться ими, причем нередко этими речами, имеющими определенный смысл для сознания больных, врач вызывает у них понимания того, что скрывается в их бессознательном. Я знаю из опыта, что это значение двусмысленных речей вызывает в непосвященных самые большие возражения и дает повод к большим недоразумениям. Но писатель был прав, изобразив в своем произведении и эту характерную черту образования бреда и сновидений.

IV

С появлением Зои в роли врача, у нас возникает, как мы уже сказали, новый интерес к ходу рассказа. А теперь очень любопытно было бы узнать, понятно ли и вообще возможно ли такое излечение, какое произошло с Ганольдом благодаря стараниям Зои, и так же ли правильно заметил писатель условия, необходимые для исчезновения бреда, как и для его образования.

Здесь, без сомнения, нам возразят что такого специального интереса в изображенном писателем случае нет, и нет поэтому надобности в разрешении подобной проблемы. Ганольду, мол, ничего иного и не остается сделать, как отказаться от своего бреда, после того, как объект его бреда, мнимая Gradiv`a, убеждает его в неправильности всех его вымыслов и дает самые естественные объяснения всему загадочному, так, напр. указывает ему, откуда она знает его имя. Этим логически исчерпывалось бы все; но так как девушка вместе с тем признается ему еще в любви, то писатель и заканчивает свой, и без того интересный, рассказ счастливой свадьбой, к удовольствию, разумеется, своих читательниц. Более последовательным и столь же возможным был бы другой конец - а именно: молодой ученый, поняв свое заблуждение, поблагодарил бы молодую особу и ушел бы от нее, отвергнув ее любовь под тем предлогом, что его интересуют только античные женщины из камня и бронзы или же их оригиналы, если бы общение с ними было возможно; современной же живой настоящей женщины он знать не хочет. Археологическую фантазию свою писатель совершенно произвольно связал с романтической историей.

Отвергая такой взгляд, как невозможный, мы теперь лишь замечаем, что происшедшая с Ганольдом перемена состоит не только в отказе его от бреда. Одновременно, и даже до разрешения последнего в нем несомненно пробуждается потребность в любви, которая, понятно, кончается ухаживанием за девушкой освободившей его от бреда. Мы уже отметили, под какими предлогами и в какой скрытой форме проявляются в нем еще раньше, вместе с бредом, любопытство к ее телесному строению, ревность и мужественные и грубые желания обладать ею, после того, как вытесненное любовное томление создает его первое сновидение. Припомним далее, как в вечер после второго разговора с Gradiv`ой, впервые живой женский образ кажется ему симпатичным, хотя, уступая еще прежнему отвращению к путешествующим новобрачным, он отказывается признать за таковых эту ему симпатичную молодую женщину и ее спутника. На следующее утро, однако, он делается случайным свидетелем обмена нежностей между этой молодой женщиной и ее мнимым братом и тогда он быстро удаляется, как если бы помешал священнодействию. Забыты насмешки над "Августом" и "Гретой", проснулось уважение к любви.

Таким образом, писатель тесно связал освобождение Ганольда от бреда с пробуждением в нем потребности в любви и подготовил, как необходимый выход, любовную победу. Писателю знакома сущность бредовых явлений лучше, чем его критикам; он знает, что компоненты любовной тоски, соединяясь с компонентами сопротивления ей, способствуют образованию бреда, и он заставляет молодую девушку взявшуюся за лечение, почувствовать в бреде Ганольда приятные ей компоненты любви. Только понимание этого, его любви к ней, могло заставить Зою посвятить себя его лечению, только уверенность в том, что и она любима, побуждает ее признаться ему в своей люб-

ви. Лечение состоит в том, чтоб дать ему снова извне те вытесненные воспоминания, которых он в душе восстановить сам не может. Но лечение это не принесло бы никакой пользы, если бы лечившая его не обратила внимания на его чувства и если бы толкование бреда, в конце концов, не гласило: смотри, это все значит только то, что ты меня любишь!

Приемы, которыми писатель заставляет пользоваться свою Зою для излечения от бреда ее друга детства, очень схожи или, вернее, по существу своему тождественны с одним терапевтическим методом, введенным в медицину в 1895 году д-ром Брейером и автором предлагаемой книги, и усовершенствованию которого последний с тех пор посвятил себя. Этот метод лечения назван сначала Брейером "катартическим", а автором этого очерка - аналитическим. Он состоит в том, что у больных, заболевания которых сходны с бредом Ганольда, стараются, в известной степени насильно, вернуть в сознание то бессознательное, вытеснение которого и было причиной заболевания - точно так, как это делает Gradiv`a с вытесненными у Ганольда воспоминаниями об их отношениях в детстве. Правда, что выполнить эту задачу Gradiv`e несравненно легче, чем врачу, во многих отношениях она находится при этом в идеальных условиях. Врач, который сначала не видит насквозь души своего больного и не располагает в своем сознании теми воспоминаниями, которые живут и работают бессознательно у пациента его, должен прибегнуть к сложным техническим приемам, чтобы восполнить этот пробел. Он должен научиться, на основании рассказов и всяких самовольно приходящих больному в голову мыслей, судить с уверенностью о вытесненном, распознать бессознательное, когда оно проявляется в сознательных заявлениях и поступках больного. Он тогда делает то же, что делает в конце Ганольд - объясняя имя "Gradiva" как перевод имени

Бертганг. Болезненное нарушение душевной жизни исчезает тогда, когда в сознании восстанавливаются вызвавшие его причины; анализ приносит одновременно и выздоровление.

Сходство между приемами Gradiv`ы и аналитическим методом психотерапии не ограничивается двумя данными пунктами - приведением в сознание вытесненного и совпадением ясного понимания с излечением; оно распространяется также и на самое главное в происшедшей с объектом лечения перемене - на пробуждение в нем чувств. Всякое аналогичное бреду Ганольда психическое нарушение, которое мы в науке называем психоневрозом, обусловлено вытеснением части жизненных инстинктов и влечений, или, скажем смело, - любовного влечения. И при каждой попытке ввести в сознание бессознательную и вытесненную причину заболевания, соответствующее влечение обязательно пробуждается и вступает в новую борьбу с подавлявшими ее силами, чтобы в конечном результате сравниться с ними; и часто, эта борьба сопровождается сильным реактивным возбуждением. При помощи любовного рецидива происходит излечение - если под “любовью” подразумевать все разнообразные компоненты сексуального влечения - и этот рецидив неизбежен, так как те симптомы, из-за которых начато было лечение являются ничем иным, как осадками прежней душевной борьбы между вытеснением и рвущимися в сознание воспоминаниями. Симптомы эти могут быть уничтожены только новым потоком тех же страстей. Всякое психоаналитическое лечение представляет попытку освободить подавленную любовь, нашедшую себе жалкий компромиссный выход в симптоме болезни; и верность изображенного писателем хода выздоровления в его “Gradiv`e” достигает своего максимума, если принять во внимание, что и при аналитическом лечении проснувшаяся страсть, будь то любовь или

ненависть, всегда избирает своим объектом личность врача.

Но тут, правда, начинается отличие, благодаря которому случай Gradiv`ы является идеалом, какого врачебная техника достичь не может: Gradiv`а может ответить любовью на любовь Ганольда, рвущуюся из его бессознательного в сознание, а врач не может этого сделать. Gradiv`а была сама объектом прежней вытесненной любви, ее особа представляет для вновь освобожденной страсти желанную цель. Врач же был раньше чужим для больного и должен стремиться к тому, чтоб стать для выздоровевшего снова чужим; врач часто не знает, какой совет дать излеченным для применения в жизни вновь приобретенной ими способности любить. Я не стану описывать какими средствами и суррогатами пользуется врач, чтоб более или менее приблизиться к тому образцу излечения при помощи любви, какое изобразил нам поэт - это отвлекло бы нас слишком далеко от нашей задачи.

А теперь еще последний вопрос, ответ на который мы уже несколько раз откладывали. Наши взгляды на вытеснение, происхождение бреда и родственных ему психических нарушений, на образование и объяснение сновидений, на роль любовной жизни и на способы лечения таких заболеваний, ни в коем случае не являются общепризнанными в науке, - не говоря о незнакомстве с ними образованных не специалистов. И если проникновение, давшее поэту возможность так создать свою "фантастическую историю", что мы могли разобрать ее, как настоящую историю болезни, основано на научном знании - то нам очень любопытно знать его источники. Одно лицо из того кружка, который, как мы уже сказали вначале, заинтересовался сновидениями "Gradiv`ы" и их толкованнем, обратилось прямо к поэту с вопросом: знал ли он хоть что-нибудь о так похожих на его описание научных теориях? Поэт отве-

тил - как это и можно было ожидать - отрицательно и даже с некоторым неудовольствием. Его фантазию внушила ему сама "Gradiv`a", доставившая ему наслаждение; кому она не нравится пусть оставит ее в покое. Он и не подозревал, как сильно понравилась она читателям.

Очень легко может статься, что отрицание поэта этим не ограничивается. Может быть, он вообще отрицает, что знал психологические законы, соблюдение которых мы указали в его произведении и отказывается от всех тех намерений, которые мы открыли в его произведении. Я не считаю этого невероятным; но тогда возможны только два случая. Либо мы написали настоящую карикатуру на толкование, вкладывая тенденции, о которых сам поэт не имел никакого понятия. В таком случае мы снова доказали, как легко найти то, чего ищешь и чем заполнен сам; - таких примеров имеется много в истории литературы. Пусть читатель сам разберется, может ли он присоединиться к этому предположению. Мы же, вполне понятно, держимся другой точки зрения. Мы полагаем, что поэту вовсе и не нужно знать таких правил и намерений, что он по чистой совести может их отрицать и что мы, тем не менее, не нашли в его произведении ничего такого, чего бы в нем не заключалось. Вероятно, мы черпаем оба из одних и тех же источников, обрабатываем один и тот же предмет, но каждый другим методом. И сходство в результатах полученных обоими говорит за то, что оба правильно работали. Наш труд состоит в сознательном наблюдении над неправильными душевными процессами у других для того, чтобы уловить в них законы и формулировать их. Поэт же идет иным путем: он сосредоточивает внимание свое на бессознательном собственной души, прислушивается к возможному развитию этого бессознательного и придает ему художественную форму, вместо того, чтоб сознательно и критикой подавить его. Таким образом, познает он из

самонаблюдения то, чему нас учат наблюдения над другими, т. е. по каким законам совершается работа бессознательного. Но ему не нужно формулировать эти законы, и даже не необходимо ему ясно сознавать их. - Они воплотились в его творениях, вследствие терпимости его разума. Мы открываем эти законы анализом его произведений подобно тому, как мы находим их в случаях реальных заболеваний. Но один вывод неоспорим: либо оба - и поэт и врач одинаково не поняли бессознательного, либо мы оба правильно поняли его. Это заключение для нас очень ценно; ради него одного стоило исследовать врачебным психоаналитическим методом описание образования и излечения бреда и сновидений Йенсеновской "Gradiv`ы".

Мы кончили: но внимательный читатель мог бы нам напомнить, что вначале мы заметили, что сновидение воплощает в себе исполнение желаний - и не доказали этого. Мы отвечаем, что наше изложение показывает, как неправильно было бы ограничить одной формулой - сновидение есть исполнение желаний - все те объяснения, которые мы могли бы дать по поводу сновидений. Но утверждение наше правильно и его легко доказать и по отношению к сновидениям "Gradiv`ы". Скрытые мысли сновидений - мы уже знаем, что под этим подразумевается - могут быть различных видов; в "Gradiv`e" они - "остатки дневных впечатлений", мысли оставшиеся неосознанными и неуясненными душевной работой во время бдения. Но для того, чтобы из них образовалось сновидение, требуется содействие какого-нибудь, большей частью бессознательного, желания; последнее является двигательной силой для образования сновидения, остатки же дневных впечатлений дают материал для него. В создании первого сновидения Ганольда, конкурируют два желания. Одно - может дойти до сознания; другое принадлежит бессознательному и действует, несмотря на вытеснение. Первое - естественное у

всякого археолога желание быть свидетелем катастрофы 79 года. На какую жертву не пойдет исследователь древности, чтоб воплотить это желание не только во сне! Другое желание, другой рычаг сновидения - эротического характера; его можно формулировать в грубой и неполной форме, как желание присутствовать при том, как возлюбленная ложится спать. Его то отклонение и делает сновидение кошмаром. Меньше бросаются в глаза, быть может, желания вызвавшие второе сновидение. Но если мы вспомним его толкование, то не замедлим признать их тоже эротическими. Это - желание быть пойманным своей возлюбленной, подчиниться и покориться ей. Это желание можно предположить у Ганольда, благодаря положению ловли ящериц; оно имеет, в сущности, пассивный, мазохистский характер. На следующий день герой бьет свою возлюбленную, как бы находясь под влиянием противоположного эротического течения. Но здесь мы должны остановиться, не то мы, действительно, можем позабыть, что Ганольд и Gradiv`а только создания фантазии писателя.

